

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ. СВЯЗАННЫЕ С БЕЛИНСКИМ*

І. БЕЛИНСКИЙ В МОСКВЕ

Статья Б. Земенкова

Десять лет жизни Белинского (1829—1839) связаны с Москвой. Здесь прошли студенческие годы великого критика и началась его литературная деятельность, здесь вкладывались основы его общественно-политического мировоззрения и эстетических взглядов и были установлены дружеские связи и знакомства со многими людьми, сыгравшими роль не только в его идейной и личной биографии, но и в умственной жизни целой эпохи.

Белинский приехал в Москву для поступления в университет в августе 1829 г. Это было его первое знакомство с «первопрестольной» столицей. Город сразу же предстал перед ним великим национально-историческим и патриотическим символом. В статье «Петербург и Москва» Белинский говорит: «Москва гордится своими историческими древностями, памятниками; она сама историческая древность и во внешнем и во внутреннем отношении» (IX, 213)¹.

В письме к своим родственникам А. П. и Е. П. Ивановым он пишет: «...Изю всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиогномию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатью священной древности, и за то нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве <...> Какие сильные, живые, благородные впечатления возбуждает один Кремль! Над его священными стенами, над его высокими башнями пролетело несколько веков <...> Вид их погружает меня в сладкую задумчивость и возбуждает во мне чувство благоговения» («Письма», I, 18). Глядя на монумент Минину и Пожарскому, Белинский думает, что «может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности». Он бродит по Красной площади — арене стольких событий русской истории. О Большом театре он пишет родителям, что здание его «...есть прекраснейшее и огромнейшее, одно из единственнейших произведений водчества и один из первейших театров Европы» («Письма», I, 4). С восторгом рассказывает он родителям: «Я был в музее императорского Московского университета <...> Это есть небольшое царство очарований» («Письма» I, 6). И, конечно, он немало внимания уделяет улице книжных магазинов — Никольской. Он спешит описать своим друзьям Ивановым обстановку одной из лавок Глазунова

* В Москве и Ленинграде сохранилось немало памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью Белинского. Места эти еще ни разу не были детально обследованы, и даже не все московские и петербургские адреса критика точно установлены.

Задача публикуемых нами статей Б. С. Земенкова и С. А. Рейсера восполнить этот пробел. Собранные и изученные ими материалы позволяют существенно расширить и уточнить соответствующие рубрики в «Летописи жизни и деятельности» Белинского. В этих материалах биограф критика найдет и ряд других полезных сведений, относящихся к характеристике внешних, бытовых условий жизни Белинского в Москве 1830-х и Петербурге 1840-х годов.

(«Письма», I, 16). В дальнейшем, как мы увидим, Белинскому не раз придется иметь дело с этим книготорговцем. Никольская (нынешняя улица 25 Октября) в годы появления в Москве Белинского была поистине «улицей просвещения». На ней и на примыкающей к ней Новой площади находилось 26 книжных лавок, тогда как на прочей территории Москвы — всего 5².

Насколько велико было значение Москвы для Белинского в эти годы, свидетельствуют следующие строки из его письма к брату от 21 мая 1833 г.: «Москва для меня город незабвенный, родной моему сердцу, и любимейшая мечта моя <...> навсегда основать в ней мое жительство» («Письма», I, 51). И о том же в другом письме от 20 сентября 1833 г.: «О, Москва, Москва! жить и умереть в тебе, белокаменная, — есть верх моих желаний. Признаться, брат, расстаться с Москвою для меня все равно, что расстаться с раем...» («Письма», I, 57).

* * *

Белинский впервые въехал в Москву в 8 час. утра 22 августа 1829 г. через Покровскую (ныне Абельмановскую) заставу.

Путь его лежал через Рогожскую и Таганку в направлении Устинского моста. Он проезжал через наиболее захолустные «патриархальные» кварталы города. «Я протирал глаза, — рассказывает он в письме к Ивановым, — старался увидеть Москву и не видел ее, ибо мы ехали по самой средственной улице. Наконец, приблизились к Москве-реке, запруженной баркасами. Неисчислимое множество народа толпилось по обеим сторонам набережной и на Москворецком мосту. Одна сторона Кремля открылась пред нами. Шумные клики, говор народа, треск экипажей, высокий и частый лес мачт с развевающимися разноцветными флагами, белокаменные стены Кремля, его высокие башни <...> Я почувствовал, что нахожусь в первопрестольном граде — в сердце царства русского».

«... Долго мы стояли на набережной, — пишет далее Белинский, — ибо Петр <слуга> ходил к Владимиру Федоровичу и Надежде Матвеевне для испрошения у них позволения остановиться на время в их доме. Получивши оное <...> мы поворотили направо и через ворота каменной стены, окружающей Китай-город, въехали в З а р я д ь е» («Письма», I, 16). Владимир Федорович Анисимов, родственник попутчика Белинского И. Н. Владыкина³, служил в Москве частным приставом и, следовательно, имел казенную квартиру при частном доме соответствующей части. Зарядье в те годы входило в Городскую часть, частный дом которой помещался на месте нынешнего владения № 7 в Ипатьевском переулке.

Основное строение в глубине двора сохранилось до наших дней. Вероятно, именно в нем и находилась квартира Анисимова, в которой Белинский провел первые два дня своей московской жизни. В справочном издании 1827 г. дается такое описание частного дома Городской части: «Это прекрасной архитектуры красивое квадратное здание с каланчюю наверху для сторожей и с каменными сараями и конюшнями кругом для инструментов и лошадей пожарной команды <...> здесь живет частный майор, частный брантмейстер и устроена прекрасная больница человек на 26...»⁴

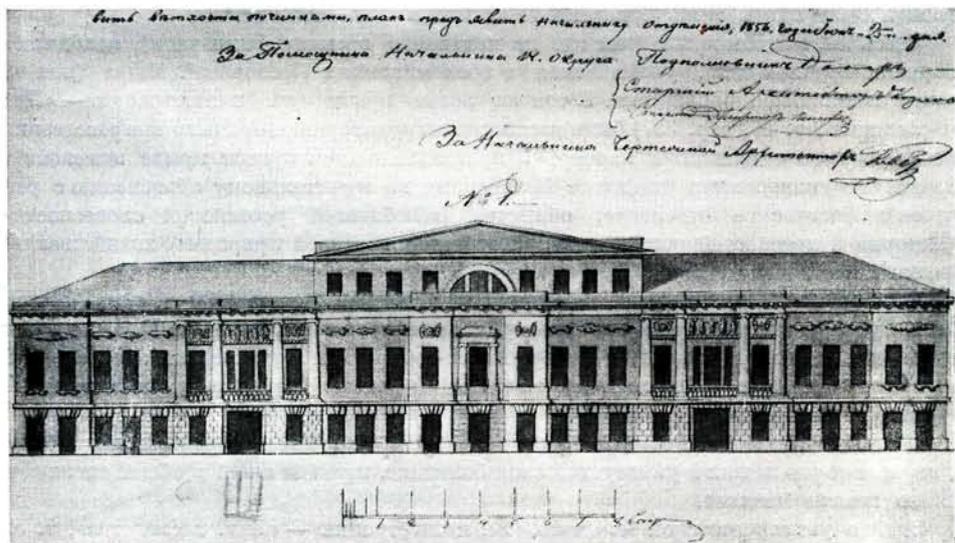
«На третий день к Надежде Матвеевне, — продолжает свой рассказ Белинский, — пришла сестра ее Ольга Матвеевна <Осинская> <...> Так как в доме ее есть маленькая светелка, то она и согласилась принять меня к себе. Светелка мне чрезвычайно понравилась; она довольно просторна для помещения одного человека и имеет большое венецианское окно <...> Тут-то я начал смотреть на Москву, как говорится, в оба глаза» («Письма», I, 17). Адрес этой первой московской квартиры установить не удалось.

Начались хлопоты о поступлении в университет.

Студенческий табель Белинский получил 21 сентября. Одновременно он сообщает родителям свой новый адрес: «В 4 квартале Тверской части на Тверской ул. в доме купца Колесникова, у портного Казакова»⁵. Дом этот находился на углу Тверской и Долгоруковского переулков (теперь улица Белинского), на месте нынешнего дома № 5. Вот почему в том же письме Белинский пишет, что живет «в двух шагах от университета». Владение это Колесниковы приобрели у Д. Н. Шереметева в 1826 г. В 1894—1900 гг. дом, являвшийся в ту пору собственностью Постниковых, подвергся

коренной перестройке. Вся территория владения была занята зданием доходного «Постниковского пассажира»⁶.

В Московском городском историческом и научно-техническом архиве (далее всюду сокращенно: ГИИТА) сохранился план владения Колесниковых от 1835 г. и чертеж фасада дома того же года, воспроизводящий вид его со стороны нынешней улицы Горького. Нарядность отделки, тщательная прорисовка деталей явно свидетельствуют, что здание было построено Шереметевым еще в XVIII в. Едва ли квартира «портного Казакова» помещалась в этой парадной части дома. Но вдоль нынешней улицы Белинского шли каменные двухэтажные жилые корпуса, от которых под прямым углом отходило каменное одноэтажное нежилое строение, рассекая владение на два двора. В каждом дворе находились также небольшие жилые постройки. В одной из них, скорее всего, и находилась скромная квартира студента Белинского.

ФАСАД ДОМА КУПЦА КОЛЕСНИКОВА НА УГЛУ ТВЕРСКОЙ УЛИЦЫ И ДОЛГОРУКОВСКОГО ПЕРЕУЛКА (НЫНЕ УЛИЦА БЕЛИНСКОГО) В МОСКВЕ. В ОДНОМ ИЗ НАДВОРНЫХ ФЛИГЕЛЕЙ ЭТОГО ДОМА ЖИЛ В СЕНТЯБРЕ 1829 г. БЕЛИНСКИЙ

Чертеж 1835 г.

«... Вот мой адрес... Своекостному студенту... живущему в 4-м квартале Тверской части, на Тверской улице в доме купца Колесникова у портного Казакова» (из письма Белинского к родителям от 26 сентября 1829 г.)

Исторический и научно-технический архив Московского совета

В октябре 1829 г. Белинский был зачислен по его просьбе в «казеннокоштные студенты». Он переселяется в университетское общежитие. Восторженно сообщает он родителям: «Комнаты, занимаемые студентами, называются номерами, которых 16 <...> Нумера наши, можно сказать, отлично хороши: карнизы стен украшены алебастровыми барельефами, полы крашенные, окна большие, чистота и опрятность необыкновенные» («Письма», I, 20). Правда, вскоре, с приходом нового инспектора Щепкина, условия жизни казенных студентов резко меняются: «Я теперь нахожусь в таких обстоятельствах, что лучше бы согласился быть подьячим в чембарском земском суде, нежели жить на этом каторжном, проклятом казенном коште», — пишет Белинский родителям 24 сентября 1830 г. («Письма», I, 24).

По воспоминаниям бывших воспитанников Московского университета, общежитие казеннокоштных студентов занимало четвертый этаж старого здания университета⁷. Белинский вместе с другими студентами словесного отделения жил в 11-м номере общежития. Помещение словесников находилось в одном из боковых крыльев здания. Белинский, рассказывая о переменах, внесенных новым инспектором и ухуд-

шивших жизнь казеннокоштных студентов, указывает, что спальни были отделены от комнат для занятий. «У нас прежде, — пишет он родителям, — столы и кровати были вместе <...>, и каждый из нас имел свой особенный уголок. Щепкин уничтожил эти выгоды, перенесши кровати в другую половину этажа, занимаемого нами <...> Часы ударят десять, — жалуется далее Белинский на связанные с этим нововведением неудобства, — должно идти спать через четыре длинных коридора и несколько площадок; поутру, если забудешь взять с собою полотенце, мыло или что-нибудь подобное, надобно опять пройти бесконечную цепь коридоров» («Письма», I, 29). Очевидно, речь идет о коридорах, соединяющих боковые крылья старого здания университета, построенного в виде буквы «П». До нововведения Щепкина 11-й номер помещался, повидимому, в левом крыле (окнами на Никитскую, ныне улицу Герцена, на внутренний и внешний двор), так как именно в этой части четвертого этажа на стенах комнат имелись упоминаемые Белинским лепные украшения. Украшения эти сохранялись до наших дней и были сбиты лишь при ремонте здания в 1944—1945 гг.⁸

Здесь же, в левом крыле (там где до недавнего времени были часы), находилась верхняя круглая зала, упоминаемая в воспоминаниях Прозорова⁹. Ниже (под часами) помещалась библиотека. В том же левом крыле (см. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 357) были расположены аудитории словесного и нравственно-политического отделений и карцер. В противоположном правом крыле помещались правление университета (памятное Белинскому по мучительному объяснению с ректором), физическое отделение, общества («Любителей российской словесности», «Истории и древностей российских», «Естествоиспытателей природы»), хозяйственные отделы.

Во время эпидемии холеры, вспыхнувшей в Москве осенью 1830 г., когда лекции были прекращены и казеннокоштным студентам запрещалось выходить за ограду университета, у Белинского в 11-м номере начал собираться студенческий литературный кружок. Здесь же Белинский заканчивает и читает товарищам свою трагедию «Дмитрий Калинин».

В годы студенчества Белинский, не обладавший хорошим здоровьем, часто болел и несколько раз лежал в университетской больнице, проведя в ней в общей сложности около девяти месяцев.

Здание университетской больницы (см. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 395) просуществовало до последних лет XIX в., когда было сломано, чтобы освободить место для постройки университетского Зоологического музея (открыт в 1902 г.). Согласно плану территории университета от марта 1834 г. (ГИНТА), оно стояло по правой стороне нынешней улицы Герцена почти посредине между Моховой и нынешней улицей Белинского, занимая около трети расстояния между этими улицами. По обеим сторонам шли более мелкие по площади строения в один этаж и лишь одно, выступая за красную линию, в три этажа. Само здание больницы было двухэтажным, центральная часть в три этажа. Со стороны двора к нему примыкала галерея, возле которой находился (в форме овала) университетский сад.

«По рассеянии членов литературного общества в нашем 11-м №, — свидетельствует Прозоров, — образовался литературный кружок у своекоштного студента Станкевича, который жил тогда у профессора Павлова»¹⁰. «Ученое заведение профессора Павлова» было открыто в 1831 г. и, как явствует из заметки в «Молве», помещалось «в доме Н. Н. Муравьева, на Большой Дмитровке, где прежде находился Английский клуб»¹¹ (ныне на этом месте стоит новый дом № 9—11 по улице Пушкина). Здесь у Муравьева неоднократно останавливался поэт К. Н. Батюшков. Здесь же помещалось основанное Муравьевым училище для колонновожатых (офицеров генерального штаба). В 1813—1831 гг. в этом доме находился Английский клуб, который посещали Грибоедов и Пушкин. В 1838 г. дом Муравьева стал собственностью проф. М. Г. Павлова и лишь в 1854 г. перешел к другим владельцам. Характер постройки был очень сложный. Помимо основного корпуса и флигеля вдоль улицы, владение включало еще восемь строений, которые рассекали его на три, почти изолированных двора¹².

Белинский, игравший видную роль в кружке Станкевича, был постоянным посетителем его квартиры на Большой Дмитровке.

К описываемому времени относится первое выступление критика в печати. Первый орган, напечатавший Белинского, был, как известно, московский журнал «Листок». Возможно, что в редакции «Листка» произошло знакомство Белинского с Кольцовым, приехавшим в 1831 г. в Москву и также печатавшимся в «Листке». Где же находилась редакция этого издания? Из публикации в № 8 журнала за 1831 г. мы узнаем, что редакция «перенесена в дом г-жи Эсауловой на Мясницком бульваре близ Чистых прудов». Тот же адрес встречается и в письме редактора издания П. И. Артемова к Белинскому: «Живу я теперь, — сообщает Артемов, — близ Чистых прудов (идучи от Мясницких ворот), в первом переулке, в доме г-жи Эсауловой, в приходе Харитония, что в Огородниках, на углу (вход с Гусятниковского переулка)»¹³. Нам удалось обнаружить (ГИНТА) два плана владения Эсауловой (датируемые 1822 и 1836 гг.). Оно занимало площадь нынешних домов № 3а и № 5 по Чистым прудам и № 8 и № 10 по Большевицкому (быв. Гусятникову) переулку. Сохранившиеся чертежи фасадов строений дают возможность воспроизвести вид владения Эсауловой в 1820—1830-х годах (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 253).

В сентябре 1832 г. Белинский был исключен из Московского университета и должен был покинуть общежитие для казеннокоштных студентов.

По цитированным уже воспоминаниям Прозорова, Белинский «во время постигшей его невзгоды <...> приютился на квартире против Сандуновских бань к землякам своим Ивановым, из которых старший брат служил тогда, помнится, в Сенате»¹⁴. Адрес А. П. Иванова мы обнаружили в старых московских адрес-календарях: «8 департамент Правительствующего Сената. Канцелярские служителя; титулярные советники: Иванов Алексей Петрович, близ Сандуновских бань, дом князя Касаткина-Ростовского»¹⁵. Дом этот был пристанищем мелкого чиновничества, разночинной интеллигенции и мастеровых. Летом 1835 года Белинский вторично поселился здесь. А в начале 1837 г., после закрытия «Телескопа» опять переезжает сюда, на этот раз, как, повидимому, и в 1835 г., уже снимая комнату самостоятельно (см. ниже).

Сохранились два плана этого владения от 1836 и 1857 гг., а также чертежи фасадов отдельных построек. На Петровке, в части, ныне занятой домом № 22, стояло нарядно отделанное двухэтажное каменное строение. Здесь, очевидно, жил сам владелец. Вдоль всего Рахмановского переулку тянулось также каменное двухэтажное здание, у Неглинной переходившее в трехэтажное, но весьма скромного вида. В нем, повидимому, и размещались сдаваемые в наем квартиры.

Сличение планов и чертежей фасадов с натурой не оставляет сомнения, что дом, занимавшийся квартирантами, где некогда жил Белинский, уцелел — ныне это дом № 4 по Рахмановскому переулку (см. иллюстрации в наст. томе, стр. 136, 137). Здание сохранило в основном свой прежний вид. Заделаны лишь декоративные ниши под окнами второго этажа (следы их во многих местах можно определить по трещинам штукатурки), и появились пробитые в 1857 г. двери на улицу. Ранее вход в дом был со двора, что вполне совпадает с описанием жилища Белинского, сделанным Ксенофонтом Полевым. Последний пишет: «Этот огромный дом всегда бывал наполнен множеством жильцов, находивших там самые дешевые квартиры. Вход в квартиру Белинского был изнутри двора. Когда я переступил к нему за порог — то невольно остановился, увидев себя в какой-то обширной комнате, разделенной на каморки и углы...»¹⁶ Вероятно, к этому же дому относится и известное описание домашнего быта Белинского, принадлежащее Лажечникову: «Он <Белинский>, — рассказывает Лажечников, — квартировал в бель-этаже (слово это было подчеркнуто в его адресе) в каком-то переулке между Трубой и Петровкой. Красив же был его бель-этаж! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться к нему надо было по грязной лестнице; рядом с его каморкой была прачечная, из которой беспрестанно неслись к нему испарения мокрого белья и вонючего мыла <...> Не говорю о беднейшей обстановке его комнаты, не запертой (хотя я не застал хозяина дома), потому что в ней нечего было украсть <...> Я спешил бежать от смраду испарений, обхвативших меня и пропитавших в несколько минут мое платье; скорей, скорей на чистый воздух, чтобы хоть несколько облегчить грудь от всего, что я видел, что я почувствовал в этом убогом жилище литератора, заявившего России уже свое имя»¹⁷.

Приведенные воспоминания Кс. Полевого и Лажечникова описывают самостоятельную квартиру Белинского и относятся, следовательно, к позднему пребыванию критика в доме Касаткина-Ростовского. Об условиях жизни в этом же доме у Алексея Петровича Иванова рассказывает сам Белинский. Вскоре после переезда к нему он писал брату Константину Григорьевичу: «Посмотрел бы ты, как живет Алексей Петрович в одной комнате с небольшой прихожей, служащей ему вместе и кухней». А покинув эту квартиру, вспоминал: «Вы не можете представить, чего мне стоило обременять собою Алексея Петровича, который и сам живет с нуждою пополам... Потом же теснота и многолюдство совершенно лишали меня средств заниматься...»¹⁸

То, что в тяжелую минуту Белинский обратился именно к Иванову, не случайно. Братья Ивановы были его родственниками, учились с ним вместе в гимназии, и дружеские отношения их с критиком продолжались всю его жизнь.

Белинский посещал, разумеется, и Дмитрия Петровича, который в конце 1830-х годов жил на Трубной улице в доме Борисова¹⁹ (на месте теперешнего № 22 — не сохранился), а в начале 1840-х годов там же, в «доме купца Кондратия Григорьевича Смирнова» («Письма», II, 167). Этот дом — ныне № 5 — сохранился. У Дмитрия Петровича одно время жил брат Белинского Никанор, и несомненно, что в свои приезды в Москву в 1840-х годах Белинский бывал и здесь.

Несмотря на суровую нужду, Белинский менее всего склонен к пессимизму. «О себе скажу тебе, — пишет он брату 20 сентября 1833 г., — что я живу довольно хорошо для своих обстоятельств» («Письма», I, 56). Он бывает в ряде московских домов, завязывает новые знакомства. Все это «заставляет меня, <...> — говорит он, — забывать о моих несчастьях. В семействе Петрова я принят, как родной» («Письма», I, 57). С П. Я. Петровым, в будущем крупным ориенталистом и санскритологом, Белинский подружился еще в 1829 г. в университете. Место проживания Петровых, где Белинский в трудные для него годы неизменно находил дружеское участие и помощь, установить не удалось.

В эти же годы Белинский бывал в доме своего университетского товарища Константина Аксакова, у отца которого, Сергея Тимофеевича, еще с 1827 г. регулярно устраивались по субботам литературные собрания. Их посещали Гоголь, Загоскин, Верстовский, Надеждин, Павлов, Погодин, Щепкин и другие. С 1832 г. Аксаковы «жили в доме Слепцова на Сивцевом Вражке»,²⁰ ныне № 12 по Большому Афанасьевскому переулку (см. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 97). Возможно, что ряд литературных знакомств Белинского связан именно с этим домом.

В тот же период Белинский являлся посетителем знаменитой «Печкинской кофейни», открытой в 1834 г. (она находилась против Александровского сада на нынешней площади Революции), где ежедневно встречались представители московского литературного и артистического мира²¹. В разные годы существования кофейни здесь бывали Герцен, Грановский, Кетчер, А. Д. Галахов, Островский, Писемский, Фет, Ап. Григорьев, Эдельсон, Салтыков (Щедрин), Садовский, Щепкин, Живокини, Горбунов и другие. Своеобразный литературный быт этой кофейни нашел отражение в ряде художественных произведений. «Кто знает, — вспоминая о своей молодости, говорит Фет, — сколько кофейня разнесла по Руси истинной любви к науке и искусству». Правда, по свидетельству Галахова, «Белинский редко приходил туда»²².

Бывал Белинский, несомненно, и в широко популярном в студенческой среде трактире «Британия», куда сходились читать новые журналы. Трактир находился на Моховой, против старого здания университета, в снесенном ныне угловом доме, обращенном к манежу. Теперь территория этого владения отошла под площадь.

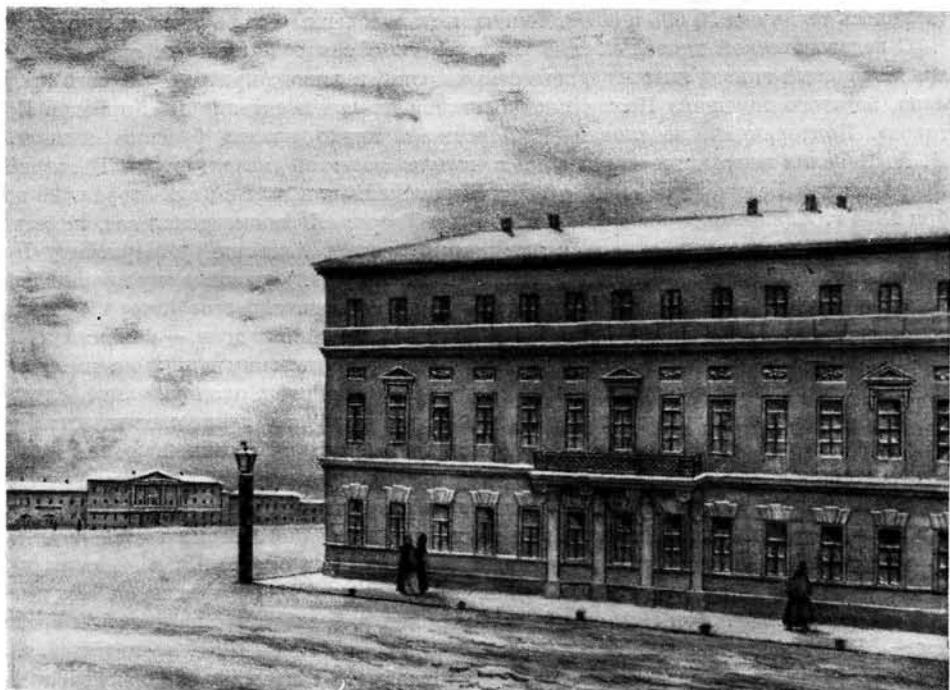
Весной 1833 г. Белинскому удается найти постоянную литературную работу. Он сообщает брату: «Я знаком с Надеждиным: перевожу в Молву и Телескоп» («Письма», I, 52). Материальные условия его жизни несколько улучшаются. Тем не менее только через год обстоятельства позволяют Белинскому уехать от Ивановых и устроиться самостоятельно. «Я вне себя от восхищения, — пишет он матери 25 мая 1834 г., — что нанял квартиру, где тишина и уединение дают мне совершенную возможность заниматься науками...» («Письма», I, 59). Подробный адрес этой квартиры сообщает сам Белинский: «Живу я теперь на Тверск<ой> ул<ице> почти против дома генерал-губер-

натора, в мезонине, который составляет собой 3 этаж огромного дома Варьгина»²³. Дом занимал пространство от нынешней Советской площади до улицы Немировича-Данченко (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 161). Первый этаж его был занят модными магазинами, дорогими портными, кондитерскими. Дом сохранился до наших дней и был снесен лишь при реконструкции улицы Горького в 1940 г.

В доме Варгина Белинский прожил лишь два с небольшим месяца. 17 августа 1834 г. он извещал брата: «Я перебрался к Надеждину и живу у него уже две недели. Жить мне очень недурно; у меня особенная комната» («Письма», I, 59). В своих воспоминаниях П. Прозоров уточняет это место пребывания Белинского: «...Белинский переселился в квартиру Н. И. Надеждина в доме Самарина».

Дом Самариных был в те годы одним из культурнейших домов Москвы. Самарин-отец, увлекавшийся педагогикой, свыше двадцати пяти лет содержал домашнюю школу «примерную и образцовую». Хотя свидетельство Прозорова, что квартира Надеждина находилась в доме Самариных, не находит подтверждений в других источниках, допустимо, что Надеждин мог быть связан с деятельностью школы и жить несколько месяцев у Самариных, у которых в качестве домашнего учителя Ю. Ф. Самарина он уже жил в конце 1820-х гг. Дом Самариных занимал примыкающую к проезду Художественного театра часть нынешнего дома № 6 по улице Горького и был снесен при реконструкции этой улицы в 1937 г.

Галахов, правда с некоторыми оговорками, указывает иное местожительство Белинского. «Впервые,— вспоминает он,— мы встречались <с Белинским> в 1834 или 1835 году у моего университетского товарища Селивановского, сына известного типографщика. В доме его занимал квартиру Надеждин <...> перед ужином вошел Белинский, помещавшийся, если не ошибаюсь, в квартире Надеждина». Дом

ГОСТИНИЦА КОПША НА УГЛУ ТВЕРСКОЙ УЛИЦЫ И ТВЕРСКОЙ ПЛОЩАДИ — ОДНА ИЗ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ МОСКОВСКИХ ГОСТИНИЦ 1820—1830-х гг.

Здесь останавливался Пушкин и многие другие писатели, здесь же осенью 1839 г. жил И. И. Панаев и происходили последние сборы Белинского перед отъездом в Петербург

Реконструкция Б. С. Земенкова. Январь 1948 г.
Собрание художника, Москва

Н. С. Селивановского перестроен (теперь улица Пушкина, № 15). Здесь на литературных вечерах бывали Вельтман, Погодин, Надеждин, Н. Полевой, В. П. Боткин и др.²⁴

Однако у Надеждина Белинский остается очень недолго. В цитированном выше письме к брату от 17 августа 1834 г. он пишет: «Надеждин тотчас по возвращении из своего вояжа переедет в дом Сухово-Кобылина, а если к тому времени я не получу названной квартиры, то и я с ним. Этот дом известен в Москве своею образованностью и мне очень бы хотелось пожить там немножко, чтобы приглядеться на „beau-monde“» («Письма», I, 60). В доме Сухово-Кобылиных, хорошо сохранившемся и по сей день (Страстной бульвар, № 9), собиралось избранное литературное общество. В салоне матери будущего драматурга бывали Погодин, Шевырев, друг Гоголя—Максимович, Раич, преподававший литературу юной Елизавете Васильевне Сухово-Кобылиной (впоследствии писательнице Евгении Тур). Нет никаких указаний на то, что Надеждину удалось поселить вместе с собой у Сухово-Кобылиных и Белинского, но поскольку работа последнего в «Молве» и «Телескопе» попрежнему интенсивно продолжалась, он, конечно, должен был бывать здесь у Надеждина, как и на другой его квартире в доме Римского-Корсакова на Тверском бульваре (ныне № 24-26), где Надеждин жил в конце того же 1834 г. (см. «Моск. вед.», 1834, № 99, объявление «Телескопа»).

В эти годы Белинский усиленно занимается и педагогической деятельностью. Зимой 1834 г. он начинает преподавать русский язык, историю и географию 15-летнему К. Д. Кавелину. Кавелины жили тогда в собственном доме в Большом Толстовском (ныне Карманицком) переулке № 6 (дом перестроен). Одновременно Белинский дает уроки грамматики и риторики С. М. Сухотину²⁵. В 1830-х годах Сухотины снимали квартиру на Большой Якиманке в доме майорши Денисовой. Владение числилось тогда под № 606 и 607²⁶. Точное местоположение его определить не удалось.

С педагогической деятельностью Белинского в семье Кавелиных связан весьма красноречивый эпизод литературного секретарства великого критика у одного графомана, богатого помещика Полторацкого, писавшего под псевдонимом «Дормедон Прутиков». Полторацкий, по словам Д. Корсакова, плохо владел русским языком, и Д. А. Кавелин поправлял ему ошибки в «штите», затем он указал, ему на Виссариона Григорьевича Белинского²⁷. Но, очевидно, рекомендация шла с двух сторон. 26 ноября 1834 г. Лажечников писал Белинскому из Твери: «Я рекомендовал вас, любезный Виссарион Григорьевич, одному почтенному старичку, Александру Марковичу Полторацкому, 4-го класса, то есть превосходительному <...> вымойте ему почище белье литературное»²⁸. Пребывание Белинского у «превосходительного» автора оказалось недолгим. «Он <Белинский> водворен в аристократическом доме,— вспоминал Лажечников,— пользуется не только чистым, даже ароматическим воздухом, имеет прислугу, которая летает по его мановению, имеет хороший стол, отличные вина, слушает музыку разных европейских знаменитостей (одна дочь его превосходительства музыкантша), располагает огромной библиотекой, будто собственной, одним словом <...> катается, словно сыр в масле. Но вскоре заходит тучи над этой блаженной живностью. Оказывается, что за нее надо подчас жертвовать своими убеждениями <...> И вот, в одно прекрасное утро, Белинский исчезает из дома, начиненного всеми житейскими благами, исчезает с своим добром, завязанным в носовой платок <...> Шаги его направлены к такой же убогой квартирке, в какой он жил прежде <...> Он чувствует, что исполнил долг свой»²⁹. Дом Полторацкого находился в Левшинском переулке (сохранился — № 6 по нынешней улице Щукина. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 65). Сколько времени оставался Белинский у Полторацкого и куда от него переселился, не выяснено. Упоминание новой квартиры Белинского мы встречаем лишь 31 июля 1835 г. в письме к Белинскому Станкевича: «Я писал к тебе в дом Чудиновой, и письмо мое верно тебя не застало там»³⁰. Не зная инициалов домовладелицы и названия улицы, адрес не удалось определить. Не был ли дом Чудиновой в районе Бронных? Д. П. Иванов вспоминает, что, получив в 1835 г. известие о смерти отца Белинского, он «...передал это известие Виссариону, жившему тогда на Козихе» («Письма», III, 443). Возможно, что из дома Чудиновой, в сере-

дине июля 1835 г. Белинский переселился опять в дом Касаткина-Ростовского. В извещении от «Молвы» и «Телескопа», редактором которых был в это время Белинский, вместо уехавшего за границу Надеждина, этот дом указан адресом редакции³¹.

В описываемые годы Белинский расширяет свои литературные связи. Он знакомится с Н. А. Полевым. Отношения их приобретают дружеский характер. Полевой жил тогда на 1-й Мещанской в доме, находившемся на месте нынешнего дома № 29. Владение выходило и на 2-ю Мещанскую (ныне № 30 — дома перестроены).

Продолжает бывать Белинский и у Аксаковых. «В 1834 году мы жили на Сенном рынке, в доме Штюрмера», — вспоминает С. Т. Аксаков (ныне Новая Басманная, № 3 — дом перестроен). Здесь, у Аксаковых, Белинский познакомился с Гоголем³².

В конце 1834 г. в Москву приезжает из Чембарского уезда М. А. Владыкина с сыном. Буслав вспоминает: «... перенеситесь в Zubovo, к Неопалимой Купине, в деревянный дом с мезонином, в переулке, который с задней стороны этой церкви тянется параллельно Смоленскому бульвару (очевидно, речь идет о 2 или 3-м Неопалимовском пер.). В этом доме поселилась приехавшая в Москву из Чембарского уезда помещица Марфа Андреевна Владыкина со своим сыном <...> Из посетителей, которых мне случилось встречать у Владыкиной, назову вам Белинского...»³³ Уточнить адрес М. А. Владыкиной нам не удалось. Бывал Белинский также в семье юного В. А. Черкасского, мать которого имела собственный дом на Мясницкой, на месте нынешнего дома № 5* по улице Кирова³⁴.

В этот период достигают особой близости отношения Белинского со Станкевичем. Кроме регулярных субботних «сходбищ» (выражение Станкевича), члены кружка совершают прогулки, вместе посещают театр, проводят праздники. Станкевич в письме к Неверову описал пасхальную ночь 1834 г.: «В половине 12-го мы (с Красовым) вышли во двор и ходили с трубками <...> Вдруг ударили колокола, и вся Москва забалаболала. К нам пришел Белинский и увлек нас в Кремль. Мы подходили к Иверской и услышали пушки: Василий Блаженный вдруг озарится молнией, и удар рассыпается по Кремлю»³⁵.

К этому времени Станкевич уже покинул дом проф. Павлова на Большой Дмитровке. С января 1835 г. он живет на Никольской в Ремесленной управе у Шидловского (ныне улица 25 Октября, № 23 — дом перестроен). А 13 октября 1835 г. он сообщает Неверову свой новый адрес: «... в Старой Конюшенной в приходе Пятницы Божедомской, в доме г-жи Лаптевой (ныне Большой Афанасьевский, № 8). Хорошая квартира; пять комнат внизу с мебелью, с мезонином, 2 комнаты с кухней, сараем и прочими ненужными для меня вещами — 1500 рублей в год. Дорого, но нечего делать! Загорелось — другой не мог скоро найти»³⁶. Степень сохранности этого дома, ценнейшего памятника литературной Москвы, давно уже вызывает немало сомнений у москвоведов. Обнаруженные нами (ГИНТА) планы владения подтверждают, что дом в основном сохранился и лишь со стороны улицы подвергся существенной перестройке в конце 1880-х гг.

В это же время Белинский знакомится с семейством Беер. Часто, как и другие члены кружка Станкевича, он бывает на их вечерах («Письма», I, 123—124). Бееры, не имея в Москве собственного дома, нередко меняли свое местожительство. 2 декабря 1835 г. Станкевич пишет, что «Бееровы приехали и остановились у Красных ворот в доме Штюрмер»³⁷, где год назад жил С. Т. Аксаков.

Нередко в эти годы бывал Белинский и у М. С. Щепкина, игра которого была одним из первых и ярчайших впечатлений критика от Москвы. Дом Щепкина посещали виднейшие представители литературы и искусства. Приезжая в Москву, здесь бывали Пушкин и Гоголь. Со Щепкиным был особенно близок С. Т. Аксаков. Возможно, что он и познакомил великого артиста с Белинским. Позднее у Щепкина можно было встретить И. С. Тургенева, Герцена и Грановского³⁸. Дом, где жил в те годы Щепкин, цел и сейчас (Большой Каретный пер., д. № 16. См. иллюстрацию в наст. томе, стр. 175).

В 1836 г. Белинский переезжает к Надеждину, расставшемуся с домом Сухово-Кобылиных, и снова оказывается на территории Московского университета. Буслав впоследствии вспоминал: «На университетском дворе, направо, у самых ворот, выходя-

щих в Долгоруковский пер. (теперь улица Белинского), стояло тогда невысокое каменное здание, которое было занято квартирою ректора университета Болдырева <...> он <...> очень любил молодого профессора эстетика Надеждина и дал ему помещение у себя». Надеждин, в свою очередь, в одной из своих комнат поселил Белинского³⁹. Как указывает Буслаев, дом этот не сохранился. Но память изменила Буслаеву, писавшему воспоминания в конце своей долгой жизни. Здание существует и поныне. Это старейшее из сохранившихся университетских строений. Оно было куплено университетом в 1804 г. у Н. А. Пушкиной и носило название «Пушкинский корпус»⁴⁰. Этот корпус и больница были единственными университетскими зданиями, уцелевшими во время пожара 1812 г.⁴¹ В 1813 г. дом (второй этаж) был отведен под квартиру ректора и стал называться также «ректорским домиком». В 1873 г. он был переоборудован под физическую лабораторию, а в начале 1900-х годов, когда было построено специальное здание Физического института, вновь отдан под квартиры профессоров и сотрудников университета⁴². В настоящее время домик заселен техническим персоналом университета (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 193).

Личный осмотр подтвердил, что перед нами действительно постройка XVIII в., хотя и реконструированная (остатки белого камня в фундаменте и частью в карнизах явные следы стесанных пилястров на задней стене дома и пр.).

Что описание Буслаева относится именно к данному зданию, не подлежит сомнению. Мы видим его на плане территории университета 1834 г. (ГИНТА), и спутать его с другими невозможно, так как это единственная постройка в указанной Буслаевым части двора. С «ректорским домиком» связано воспоминание об известном деле о запрещении «Телескопа». Здесь у Белинского, в его комнатах на квартире Надеждина, был произведен обыск. Произошло это в отсутствие критика, гостившего у Бакуниных в их тверском имении Премухино. По возвращении в Москву 15 ноября 1836 г. Белинский был задержан на заставе и отсюда доставлен к обер-полицеймейстеру.

Белинский въезжал в Москву через Тверскую заставу. Триумфальные ворота, замыкавшие Тверскую улицу, и заставные кордегардии при них находились против нынешнего дома № 66/1 по улице Горького. Следовательно, именно здесь Белинский и был задержан. Канцелярия московского обер-полицеймейстера, куда был доставлен Белинский для обыска, помещалась в те годы на Тверском бульваре, в доме № 22 (не сохранился). Дом этот был некогда популярен у москвичей по устраивавшимся здесь танцевальным вечерам Иогеля, где, между прочим, Пушкин встретил Н. Н. Гончарову.

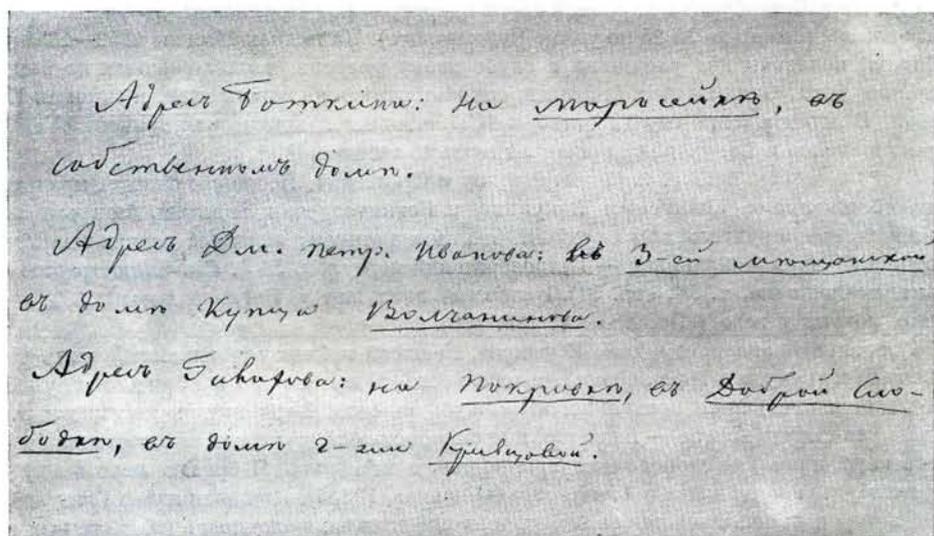
Запрещение «Телескопа» лишило Белинского литературного заработка. Он опять оказался в крайне тяжелом положении. С конца 1836 г. он начинает искать работу в петербургских изданиях⁴³. Еще ранее П. В. Нащокин пытается связать его с пушкинским «Современником». 3 мая Пушкин приезжает в Москву и останавливается у Нащокина, жившего тогда на Садово-Триумфальной улице в Воротниковском переулке. Дом этот существует и сейчас (№ 12 современной нумерации — см. иллюстрацию в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 267), но лишь несколько перестроен — вместо мезонина выведен второй этаж. Белинский здесь часто бывал («Письма», II, 51—52). Во время пребывания Пушкина в Москве в 1836 г. Нащокин намеревался устроить у себя встречу Белинского с поэтом, но встреча эта почему-то не состоялась.

В январе 1837 г. Белинский называет свой новый адрес: «... на Петровке, в Рахмановском переулке, в доме князя Касаткина-Ростовского, № 22» («Письма», I, 67), т. е. в доме, где он уже дважды жил (см. выше). Здесь он заканчивает работу над «Основаниями русской грамматики», рукопись которой представляет попечителю Московского учебного округа С. Г. Строганову в надежде, что его труд будет напечатан на казенный счет. Канцелярия попечителя Московского учебного округа находилась на Большой Дмитровке — ныне улице Пушкина, № 17 (дом перестроен)⁴⁴. Получив отказ Строганова, Белинский издал свою работу на собственный счет (III, 513). На последней странице обложки «Грамматики» адресом издателя (т. е. Белинского) указан дом Касаткина-Ростовского.

Болельнн вынуждает Белинского уехать летом 1837 г. на Кавказ. Однако мысль о неустойчивости его московской жизни тяготит его и там. «... Я бы выздоровел и душевно и телесно, — пишет он Бакунину 16 августа 1837 г., — если бы будущее не стояло передо

мною в грозном виде, если бы приезд мой в Москву был обеспечен <...> Едва родится во мне сознание силы, едва почувствую я теплоту веры, как кварта, а в о ш н а я лавочка, сюртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчас убивают силу и веру...» («Письма», I, 126).

15 сентября 1837 г. Белинский вернулся в Москву: «... я переменяю на днях мою гадкую квартиру», — сообщает он по приезде. В одном из последующих писем он называет свой новый адрес: «На Стоженке, в приходе Воскресенья, в Савеловском переулке, в доме полковницы Ефремовой» («Письма», I, 132, 133). В сохранившейся «Книге для записи проживающих, приезжающих и выезжающих» по этому дому помечено, что «Белинский прибыл 1 октября 1837 г.» (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 299). Под 26 февраля 1838 г. указан въехавшим в этот же дом М. А. Бакунин. Нам удалось обнаружить (ГИНТА) план этого владения, датированный 22 марта 1838 г. Оно занимало площадь нынешнего дома № 10 по Савеловскому переулку,

ЛИСТОК С АДРЕСАМИ МОСКОВСКИХ ЗНАКОМЫХ, СОБСТВЕННОРУЧНО
ЗАПИСАННЫМИ БЕЛИНСКИМ, 1840-е гг.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

доходя вглубь до нынешнего дома № 13 по 2-му Обьденскому переулку. Весь участок делился поперек на две почти равные части. Часть, выходящая во 2-й Обьденский переулок, была занята садом. Основное строение было каменное, в два этажа, и выходило в Савеловский переулок. Вход в него был со двора. Вдоль переулка стояло еще одно деревянное одноэтажное жилое строение. Кроме того, во дворе находилось два небольших флигеля и одна хозяйственная нежилая постройка. В целом планировка владения носит типичный для тех лет усадебный характер. В связи с датой столетия со дня рождения великого критика в 1911 г. дом Ефремовой привлек внимание московской общественности. Дом тогда еще существовал, и ему был посвящен ряд газетных заметок.

«Это тот самый дом, — пишет, например, П. Симановский, — но уже не полковницы, а П. А. Ефремова, в котором проживал в Москве этот известный библиограф и редактор изданий многих русских классиков <...> Со времени Белинского дом этот, вероятно, обновлялся, но не перестраивался. Думаю, что этот дом существует и до сих пор, но за смертью П. А. Ефремова перешел в другие руки»⁴⁵. Действительно, из архивных материалов (ГИНТА) явствует, что нынешняя застройка владения, при которой старый дом был снесен, была утверждена лишь в июле 1912 г.

В первые же дни по возвращении в Москву Белинский навещает старых друзей. Он посещает больного И. П. Ключникова, который жил в те годы в Нащокинском переулке в доме Малиновской (на месте нынешнего дома № 12/14)⁴⁶.

В октябре на вечере у Селивановского во время чтения Н. Полевым драмы «Граф Уголино» состоялось знакомство Белинского с Мочаловым. В письме от 14 января 1838 г. он сообщает о своем посещении великого трагика. Мочалов жил в доме Елагиной в приходе Знамения на Знаменке⁴⁷ — ныне Крестовоздвиженский переулок, № 7 (сохранился. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 277).

В сентябре и октябре 1837 г. у Белинского происходит ряд деловых встреч с Кс. Полевым («Письма», I, 131). Полевой жил тогда при своем книжном магазине, помещавшемся в доме Мятлево на Тверской⁴⁸. Дом этот, так часто посещавшийся Белинским, не сохранился. Он находился на месте нынешнего дома № 12 по улице Горького.

Осень 1837 г. — последние дни дружеских встреч Белинского с Н. Полевым. Последний к этому времени переехал с 1-й Мещанской (см. выше) и «жил до осени <т. е. до отъезда в Петербург> в скромной своей квартирке под Новинским, во флигеле дома Сафонова»⁴⁹ (ныне дом № 25 по улице Чайковского). На планах Москвы 1852—1853 гг. (Хотева) показаны два уходящих в глубь двора флигеля, расположенных по бокам главного дома. Один из этих флигелей, сохранившихся до наших дней, и занимал Полевой. В его дневнике под 12 октября 1837 г. стоит лаконичная запись: «Уехал. Брат, Мочалов и Белинский провожали меня до заставы»⁵⁰.

Той же осенью 1837 г. покидает Москву и Станкевич. После его отъезда происходит сближение с Белинским Бакунина и Боткина: «они виделись беспрестанно, жили тесным приятельским кружком, центром которому служила теперь квартира Боткина»⁵¹ (дом сохранился — Петроверигский переулок, № 4. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 81). Белинский встречается у Боткина новый, 1838 год, часто ночует у него («Письма», I, 139, 180).

Квартира Белинского в доме Ефремова, по своей неблагоустроенности, мало располагала к труду и творческой сосредоточенности. В письме от 1 ноября 1837 г. у него вырывается следующее признание: «Я сажусь за дело, перевожу с немецкого или делаю что-нибудь другое — и что же? я дрожу от холода, руки мои не в состоянии держать перо, животная сторона моя громко дает о себе знать. Я бросаю перо и иду — куда-нибудь, иногда в лавку Глазунова» («Письма», I, 145). Книжная лавка Глазунова, при которой помещалась также библиотека для чтения, находилась на месте нынешнего дома № 19 по улице 25 Октября. Здесь часто встречались московские писатели.

Отсутствие журнальной работы вновь заставляет Белинского искать уроки. В ноябре 1837 г. он знакомится с Е. Г. Левашевой, которая предлагает ему преподавать русскую литературу ее детям. Дом Левашевых был одним из популярных салонов Москвы николаевского времени. Здесь в разные годы бывали И. И. Дмитриев, Е. А. Баратынский, А. Н. Раевский, М. Ф. Орлов, Н. Х. Кетчер, Н. П. Огарев, посвятивший памяти Е. Г. Левашевой стихи. Выше 26 лет во флигеле левашевского дома прожил и здесь же умер Чаадаев. В письме от 10 сентября 1838 г. Белинский сообщает о знакомстве с ним. Дом Левашевых не сохранился. Он находился на месте нынешнего дома № 20 по Новой Басманной улице.

В названной выше «Книге для записи проживающих, приезжающих и выезжающих» по дому Ефремовой Белинский помечен выбывшим 21 марта 1838 г., в Басманную часть. Еще в 1835 г. С. Т. Аксаков, в семье которого Белинский бывал с университетских лет, был назначен директором Константиновского межевого института, в помещении которого и поселился на казенной квартире. В те годы Институт был размещен в великолепном, ныне не сохранившемся, доме Куракина на Старой Басманной (см. иллюстрацию, — «Лит. наследство», т. 56, стр. 113), построенном Казаковым (находился на месте нынешнего дома № 21 по улице Карла Маркса). Весной 1838 г. Аксаков устраивает Белинского в Институт преподавателем русского языка. После лишений, испытанных в ефремовском доме, квартира, обеспеченная теплом и светом, особенно радует Белинского. Он сообщает брату: «... инспектор института, князь Козловский, по дружбе своей ко мне, уступил мне лучшую половину своей квартиры, и я пользуюсь и дровами, и свечами казенными...» («Письма», I, 188). Ко времени пребы-

вания Белинского в Институте относится один из самых ранних его портретов, исполненный воспитанником Института Н. Мартыновым⁵².

Однако преподавательская деятельность Белинского в Институте продолжалась недолго. 1 ноября того же 1838 г. Белинский прекратил занятия в Институте.

Куда переселился Белинский, оставив казенную квартиру в Институте, установить не удалось. Адрес его до весны 1839 г. (см. ниже) неизвестен.

В том же 1838 г. «... весной издание „Наблюдателя“ было, наконец, разрешено московскому типографу Степанову, а редактором журнала (впрочем, не объявленным) сделался Белинский»⁵³.

По делам «Московского наблюдателя» Белинский неоднократно видится с официальным редактором журнала В. П. Андросовым и с издателем Н. С. Степановым. Андросов жил в те годы в доме Дица в Столовом переулке⁵⁴ (дом не сохранился, на его месте теперь дом № 11). Типография Степанова находилась в Трубинковском переулке⁵⁵. Белинскому приходилось также представлять в «Московский наблюдатель». Цензор Снегирев записывает в своем дневнике под 5 января 1839 г.: «... После обеда был у меня по своим журнальным делам Белинский Виссарион Григорьевич»⁵⁶. Снегирев жил в собственном доме — ныне Троицкая улица, № 19.

В обновленном «Московском наблюдателе» работает близкий в те годы Белинскому П. Н. Кудрявцев, у которого он, по всей вероятности, бывал. Кудрявцев, тогда еще студент, возможно, жил у своего отца, священника Даниловского кладбища.

Подписка на «Наблюдатель» оказалась незначительной. Степанов задерживает Белинскому даже ту скромную плату, которую обязался платить. В связи с этим у Белинского вновь возникает мысль о переезде в Петербург⁵⁷.

Еще в конце 1838 г. у него завязывается переписка с Панаевым, а 18 февраля 1839 г. он просит Панаева связать его с Краевским, издающим «Отечественные записки» («Письма», I, 314). 12 апреля 1839 г. Панаев приезжает в Москву и на другой же день посещает Белинского. «Он <Белинский>, — вспоминает Панаев, — жил в каком-то узеньком и глухом переулке, недалеко, кажется, от Никитского бульвара, в деревянном одноэтажном домике, вросшем в землю, окна которого были почти наравне с кирпичным узким тротуаром <...> С замирающим сердцем, — продолжает Панаев, — я вошел во двор, поросший травой, и робко постучался в низенькую дверь <...> Из темной, маленькой передней Белинский повел меня в небольшую комнату, всю заваленную бумагами и книгами. Мебель этой комнаты состояла из небольшого дивана с износившимся чехлом, высокой и неуклюжей конторки, подкрашенной под красное дерево, и двух решетчатых таких же стульев»⁵⁸.

Адрес этой, так детально описанной квартиры Белинского, ввиду отсутствия конкретных данных о ее местоположении, не поддается определению.

Панаев и Белинский быстро сближаются. «Мы жили на Арбате <...>, — вспоминает А. Я. Панаев, — Белинский нанял себе комнату от жильцов — против нашего дома во дворе — и пригласил нас на новоселье пить чай. Комната была у него в одно окно, очень плохо меблированная. Я вошла и удивилась, увидя на окне и на полу у письменного стола множество цветов. Белинский, самодовольно улыбаясь, сказал:

— Что-с, хорошо?.. А каковы лилии? Весело будет работать, не буду видеть из окна грязного двора»⁵⁹.

На Арбате Панаевы жили в доме Тона⁶⁰, который находился на месте нынешнего дома № 10. Адрес же Белинского, поскольку фамилия домовладельца нам не известна, пока не удастся расшифровать.

Из дружеских встреч Белинского этих месяцев следует отметить поездку с Панаевым в Химки к Щепкину. «... Мы отправились к нему с Белинским и Кетчером, — вспоминает Панаев. — <...> Перед нами на холму был старый деревянный, довольно большой помещичий дом, с прудом спереди и с густым садом назади, из-за которого поднималась зеленая глава церкви. Пруд был в цвету <...> сад, разросшийся на свободе, начинал гложуть <...> Место действительно было прекрасное. За садом гладкое, необо-вримое поле, засеянное хлебом»⁶¹. Дача в Химках, где жил Щепкин и где Белинский, вероятно, не раз бывал у него, существовала до недавнего времени. Ее территория была затоплена при проведении канала имени Москвы.

Мемуарная литература зарегистрировала немало литературных встреч Белинского в последнем году пребывания его в Москве. К числу друзей Белинского принадлежал в то время и Константин Сергеевич Аксаков. «...Аксаковы жили тогда в большом отдельном деревянном доме, на Смоленской площади <...> Дом Аксакова и снаружи и внутри по устройству и расположению совершенно походил на деревенские барские дома; при нем были: обширный двор, людские, сад и даже бани в саду. Константин Аксаков помещался на верху в мезонине»⁶². Дом этот находился на месте нынешнего дома № 27 на Смоленской-Сенной площади.

Белинский, несомненно, часто бывал в эти годы у И. Е. Великопольского (писавшего под псевдонимом *И в е л ь е в*), нередко помогавшего материально в трудные минуты критику. Знакомство их состоялось у Аксаковых. Великопольский был женат на дочери известного московского врача проф. М. Я. Мудрова; в приданое за ней он получил каменный дом в Афанасьевском переулке (стоял на месте нынешнего дома № 37)⁶³ и громадное владение с большим деревянным домом, оранжереями и садом на Пресненских прудах, числившееся в 1820-х годах под № 402⁶⁴. Расположенный в то время против этого владения Средний Пресненский пруд давно засыпан. На его месте находится теперь стадион Метростроя. Дом же Великопольского сохранился почти в нетронутом виде (теперь № 11 по Дружинниковской улице. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 123). В своем Пресненском доме Великопольский устраивал широкие приемы и пышные празднества. Об одном из них, на котором присутствовал Белинский, вспоминает Панаев: «Часу в девятом я отправился на бал к Великопольскому, вместе с К. С. Аксаковым и Белинским <...> Дом Великопольского был набит битком гостями, оркестр гремел, танцы были во всем разгаре <...> Толпы любопытных собрались у дома. Сад на Пресненских прудах был также наполнен гуляющими. Белинский, К. Аксаков и я недолго оставались в комнатах <...> Мы пошли гулять на Пресненские пруды. Когда стемнело, к изумлению нашему, часть Пресненских прудов была иллюминирована, и импровировалось народное гуляние»⁶⁵.

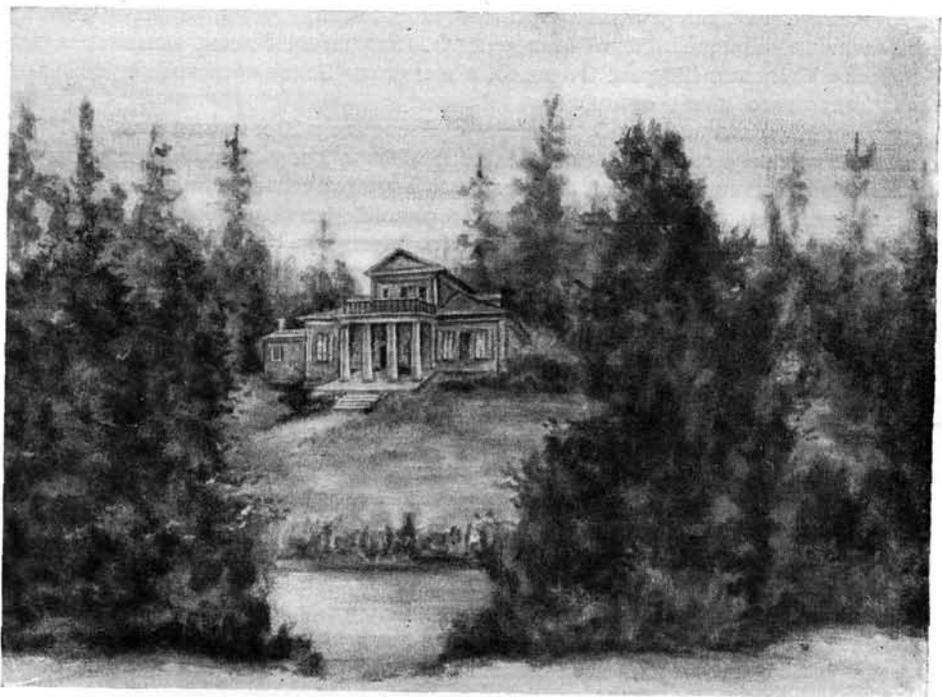
Нередко в эти годы Белинский посещает и московские литературные салоны. Так, И. М. Снегирев отмечает в своем дневнике, что во время чтения им у Н. Ф. и К. К. Павловых «Описания московских древностей» присутствовал Белинский⁶⁶. Дом Павловых находился на Рождественском бульваре (теперь № 14, перестроен).

Н. Ф. Павлов в одном из своих писем к А. А. Краевскому указывает, что Белинский был приглашен посещать литературные понедельники Авд. и Фед. Глинок, где бывали многие московские литераторы⁶⁷. Дом Глинок не сохранился. Он находился на Садовой-Спасской, на месте нынешнего дома № 7.

В сентябре 1839 г. в Москву вернулся из-за границы Грановский, с которым Белинский знакомится и быстро сходится. В письмах к Станкевичу он сообщает о своих посещениях Грановского («Письма», I, 338, 340). Последний жил тогда на казенной квартире, в доме Московского дворянского института, а ранее — Московского благородного пансиона, на Тверской⁶⁸. Этот огромный дом, где учились Жуковский, Ал. Тургенев, Грибоедов, В. Ф. Одоевский, Вельтман, Лермонтов, Салтыков, занимал обширное пространство по нынешней улице Горького (от улицы Белинского до улицы Огарева) и был сломан в 1913—1914 гг. На этом месте стоит ныне здание Центрального телеграфа. Архитектурное описание и краткая история здания Института даны в книге С. А. Макашина о Салтыкове-Щедрине. Там же воспроизведена реконструкция дома, сделанная автором настоящей статьи по чертежам строений этого владения 1820-х гг.⁶⁹

Осенью 1839 г. в Москву ненадолго приезжает Герцен⁷⁰. Очевидно, тогда и состоялось его знакомство с Белинским. Трудно определить место их первой встречи. Герцен, по всей вероятности, останавливался в доме отца (Сивцев Вражек, № 25, сохранился).

Вероятно, тогда же Белинский познакомился и с Огаревым. Огарев получил разрешение жить в Москве еще в мае 1839 г. Вначале он поселился на даче в Петровском парке, а «к зиме была нанята дорогая квартира на Арбате...»⁷¹ Позднее Огарев переселился в дом Несвицких по Кудринской улице (ныне № 17), где у него поселился и Сатин⁷². Характерно, что вечера Огарева посещались людьми, тесно связанными с Белинским, но прямых указаний на то, что Белинский здесь бывал у Огарева, мы не нашли.

БЫВШАЯ ПОДМОСКОВНАЯ УСАДЬБА ГЕРЦЕНА «ПОКРОВСКОЕ-ЗАСЕКИНО»

Акварель Б. С. Земенкова, 1948 г.

Собрание художника, Москва

Среди деловых связей этих лет необходимо отметить встречи Белинского с А. Д. Галаховым, который снабжал его московскими книжными новинками для рецензий, посылавшихся в «Отечественные записки» Краевского. «Два раза в месяц, — рассказывает в своих воспоминаниях Галахов, — отправлялся я <в Московский цензурный комитет> за литературным фуражем, т. е. забирал все книги, доставленные туда из типографий в течение предыдущих недель. После того я распределял полученное по взаимному соглашению между мною и сотоварищами»⁷³. Этими сотоварищами Галахова были Белинский, Кудрявцев и др. Жил Галахов в доме Суханек в Полуэктовом переулке (ныне № 4. См. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 153).

Приближающееся время отъезда в Петербург Белинский ожидает с нелегким сердцем. «Москва погубила меня, в ней нечем жить и нечего делать и нельзя делать, а расстаться с нею — тяжелый опыт», — пишет он с горечью 2 октября Станкевичу («Письма», I, 377). Безденежье вновь заставляет его переменить квартиру: «... мне надо было нанять какую-нибудь комнатку и жить скромно до отъезда в Питер <...> Боткин помог, предложил у себя комнату <...> Живем мы тихо» («Письма», I, 369). Упомянутый уже нами дом Боткина в Петроверигском переулке — последняя квартира Белинского в Москве⁷⁴.

Поздней осенью 1839 г. возвращается в Москву Панаев. Он останавливается в гостинице Копна⁷⁵, помещавшейся в доме ген. Черткова на Тверской. Здание это теперь не существует. Оно стояло на месте нынешнего дома № 6 на углу Советской площади и улицы Горького. Это была одна из популярнейших в Москве гостиниц. Живший здесь в 1830 г. А. С. Пушкин упомянул ее в одном из вариантов «Домика в Коломне». До начала 1840-х годов здание по Тверской было трехэтажным, украшено скульптурными фризами, нижний этаж рустован (см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 381). Вдоль площади строения были смешанной высоты, от одного до трех этажей. В 1840-х годах владение капитально перестраивается, постройки, выходящие на площадь,

приобретают единое декоративное убранство, и здесь открывается не менее популярная гостиница «Дрезден», где бывал у А. О. Смирновой Гоголь, останавливались Некрасов и Салтыков-Щедрин. Очевидно, в гостинице Копна происходили последние сборы Белинского перед отъездом из Москвы.

Белинский уехал в Петербург вместе с Панаевым в 20-х числах октября 1839 г. Последний пишет в своих «Воспоминаниях»: «Нас провожали до Черной Грязи»⁷⁶. Черная Грязь была крупнейшей подмосковной почтовой станцией, в ней содержалось 150 лошадей, тогда как многие уездные города Подмосковья имели их не свыше 20—30⁷⁷. Существовала традиция устраивать прощание с отъезжающими в Петербург в Черной Грязи. Эта станция неоднократно упоминается в переписке Белинского. Здесь он останавливался по дороге в имение Бакуниных Премухино, здесь же ему пришлось проститься с московскими друзьями. Великолепное здание станции конца XVIII в. сохранилось до наших дней и лишь в 1941 г. было уничтожено бомбой фашистского самолета. Находилось оно в 3 км от станции Сходня Октябрьской железной дороги и занято было в последние годы больницей.

Панаев оставил нам описание последних минут прощания: «Он <Белинский> был молчалив и грустен. Видно, что отрываться от своего кружка ему было нелегко...»⁷⁸

Образ Москвы, в которой остались друзья, где протекала его писательская юность, властно живет в душе Белинского: «... с какою бы радостью побыл я хоть минутку в милой Москве <...> А если б часок посидеть в твоей комнате...», — пишет он из Петербурга Боткину 9 февраля 1840 г. («Письма», II, 37). Он почти постоянно сравнивает Москву с Петербургом. «Люди в Питере не те, что в Москве <...> Впрочем, везде не без добрых людей, и в Питере есть хорошие люди, которых я называю московскими колонистами, хотя иные из них и в глаза не видали Москвы» (письмо Д. П. Иванову 21 февраля 1840 г. — «Письма», II, 53). Но лишь через два года, в последних числах декабря 1841 г., Белинскому удается вновь побывать в Москве. «Ездил на правдники в Москву и как жил там без заботы и работы, то в две недели поправился в здоровье, даже помолодел», — пишет он И. И. Ханенко по возвращении в Петербург («Письма», II, 277). Эта поездка имела большое значение в жизни Белинского. Именно тогда произошло его сближение с будущей женой, М. В. Орловой, служившей классной дамой в Александровском институте. Институт помещался на Новой Божедомке (ныне это дом № 4 по улице Достоевского). По свидетельству А. В. Орловой, Белинский много раз бывал там у Марии Васильевны⁷⁹.

Белинский был очень доволен своим кратковременным посещением Москвы: «...зимняя поездка, — писал он, — меня переродила». Он намерен побывать летом «... в Москве во что бы то ни стало и при том не меньше, как от одного до двух месяцев» («Письма», II, 282). Однако летняя поездка не осуществилась, и Белинский собирается приехать на рождественские дни 1842 г. Наконец, о том же мечтает он весной следующего года, считая поездку «лучше всех лекарств и вод». «Мне нужно приехать в Москву к тебе, — пишет он Боткину 17 апреля 1843 г., — месяца на два с половиною или больше. Я смотрю на эту поездку, как на меру спасения от верной смерти или неизбежной жестокой болезни, от которой надо будет медленно исчахнуть» («Письма», II, 314, 364).

Но денежные затруднения держат Белинского в Петербурге, и лишь помощь друзей дает ему возможность вырваться в Москву. 24 мая он пишет: «Спасибо вам, добрые друзья мои, Боткин и Герцен! Вы сделали поистине доброе дело, одолжив меня. Никогда приятельская услуга не была так кстати <...> Я теперь почти счастлив. Душа плавает в эмпиреях. Иду по улице — и каждому встречному знакомому и незнакомому так и хочется сказать: а я еду в Москву! <...> около 10 июня непременно буду пить чай на Маросейке, в доме Боткина» («Письма», II, 370—371).

Почти немедленно по приезде Белинский посетил Герцена в его усадьбе Покровское-Засекино (5 км от платформы Сушкинская Западной железной дороги — усадебный дом сохранился, см. иллюстрацию в наст. томе, стр. 389). Одно из посещений Белинским Покровского ярко описано Герценом в «Былом и думах»⁸⁰.

В Москве Белинский встречается с А. Д. Галаховым. В бумагах Белинского сохранилась записка, где адрес Галахова означен: «На Покровке, в Доброй Слободке, в доме г-жи Кривцовой». Запись эта не имеет датировки; владение Кривцовой

установить не удалось. В письме от 10 декабря 1847 г. Д. П. Иванову Белинский пишет, что Галахову он «адресовал письмо в Добрую Слободку: там ли еще он живет?» («Письма», III, 334). В 1848 г. сам Галахов в письме к Белинскому называет иной свой адрес: «На 4-й Мещанской, в доме Боголюбова, недалеко от будки»⁸¹ (ныне Выползов переулок — продолжение 4-й Мещанской, № 6). Возможно, что Галахов жил здесь и в более ранние годы. Белинский мог посетить его здесь и в дни пребывания в Москве в 1846 г., так как их деловые связи не прерывались. Неоднократно Белинский встречается и с Грановским. В эти годы Грановский жил в «Сретенской части прихода Николы в Драчах, дом Гурьева» (ныне дом № 32 по Трубной улице)⁸².

Перед отъездом Белинский несколько раз посещает Е. Ф. Корша, жившего в доме генерала Мосолова на Воздвиженке (здание не сохранилось, занимало участок нынешнего дома № 10 по улице Калинина)⁸³. Уехав 26 августа, он описывает М. В. Орловой свое посещение Корша: «... меня спросили: здоров ли мне воздух с новой роци и как я нахожу московские окрестности? <...> Им скавала одна знакомая им дама, что я часто бываю в Сокольниках» («Письма», III, 1). Это был намек на встречи Белинского с М. В. Орловой. Последняя, серьезно заболев, была вынуждена оставить службу в Александровском институте. Лето 1843 г. она проводит на даче в Сокольниках у своих родственников. Белинский постоянно навещает ее здесь. Они гуляют в густых — в те годы — Сокольнических рощах, здесь же происходит их решительное объяснение. Память об этих днях не покидает Белинского и в Петербурге: «Что-то теперь Сокольники? — пишет он Орловой. — Что заветная дорожка, зеленая скамеечка, великолепная аллея? Как грустно вспоминать обо всем этом, и сколько отрады и счастья в грусти этого воспоминания!» («Письма», III, 7).

В 1846 г. уже тяжело больной Белинский в последний раз посетил Москву, направляясь в совместную с Щепкиным поездку на юг. «... Еду не только за здоровьем, но и за жизнью, — пишет он Герцену 6 апреля 1846 г. <...> мы с Некрасовым взяли билет в маль-пост на 26 апреля» («Письма», III, 107, 111).

В эти годы Боткин находился за границей, что лишало Белинского его обычного пристанища в Москве. «Скажи мне, — обращается он к Д. П. Иванову, — могу ли я остановиться у тебя на неделю, много дней на десять <...> такого ли свойства твоя квартира, чтоб я мог возвращаться домой по ночам, — и подумай о том беспокойстве, которое я этим буду тебе и семейству твоему оказывать» («Письма», III, 111—112). В письме к Белинскому от 12 февраля 1848 г. Д. П. Иванов помечает свой адрес: «в 3-й Мещанской, в доме Волчанинова» (не сохранился, ныне № 3) Если Д. П. Иванов жил здесь и в 1846 г., то это — последний московский адрес великого критика.

Белинский приехал 28 апреля в 6 час. вечера. Он провел в Москве две с половиной недели, и они были в полном смысле слова его триумфом. «Друзья мои дожидались меня в почтамте с двух часов <...> — пишет он жене. — Что это за добрый, за радушный народ москвичи!» («Письма», III, 112). Почтамт и контора дилижансов находились в те годы на Мясницкой (на месте внешних домов №№ 26а и 26б по улице Кирова)

Белинский буквально не имел свободного часа. Герцен писал в Петербург Краевскому о «грандиозной встрече», которая была сделана в Москве Белинскому: «огромный обед у Шевалье и дюжина обедов дружеских, потом проводы за 18 верст»⁸⁴. Торжественный обед Белинскому был дан московскими литераторами 4 мая. Популярный в Москве тех лет ресторан Шевалье помещался в нынешнем проезде Художественного театра, против современного здания театра.

А. В. Щепкина вспоминает: «В первый раз пришлось мне видеть Белинского в 1846 году. Остановившись ненадолго в Москве, мы поместились тогда в гостинице „Дрезден“ на Тверской площади. Нас посетили многие из кружка Грановского. Первым посетил нас тогда И. С. Тургенев, почти вслед за ним явился М. С. Щепкин, а затем Кетчер и Белинский...»⁸⁵

Об этих днях Белинский пишет жене (4 мая 1846 г.), что «для отдыха Москва вообще чудный город». 11—12 июня он сообщает ей: «Выехали мы из Москвы 16 мая (в четверг) в 12 часов. Нас провожали до первой деревни, за 13 верст, и провожавших было 16 человек <...> Пили, ели, расстались» («Письма», III, 114, 120). Панаев оставил более детальное описание прощания москвичей с Белинским: «Проводы Белинского были

необыкновенно веселы и шумны. Они начались небольшим завтраком в квартире Щепкина <...> Все московские друзья Белинского присутствовали тут. Обедать мы решились на первой станции — и там уже окончательно проститься с отъезжающими»⁸⁶.

Согласно «Расписанию станций» тех лет, эта первая от Москвы остановка по Ново-Калужскому тракту (ныне Калужское шоссе) была в Шерапове⁸⁷.

Ровно три месяца спустя, возвращаясь в Петербург, Белинский проезжал через Москву. «...В Москву приедем числа 16 <октября>, — пишет он жене, — в Москве я пробуду много, если дней пять» («Письма», III, 146). Этим и ограничиваются наши сведения о последнем свидании Белинского с городом его литературной юности.

Но Москва не перестает манить к себе Белинского. Дружеская среда, климат полезный для его здоровья, дешевизна жизни заставляют его серьезно думать о переселении сюда. «Я решил ехать жить в Москву, — пишет он Боткину 22 апреля 1847 г., — и это может быть, если не встретится особенных препятствий, по последнему снежному пути конца будущей зимы 1848 г. <...> В Москве меня, кроме друзей, ничто не привлекает <...> Но жить в петербургском климате, на понтийских болотах, гнилых и холодных, мне больше нет никакой возможности» («Письма», III, 205).

О том же он сообщает 5 мая Д. П. Иванову. Его письма к жене из-за границы свидетельствуют, что это намерение носило вполне деловой характер. На ее сомнения он приводит доводы, что «в Москве климат лучше», что «важно не для одного меня, но и для Оли <...> Потом, в Москве жить много дешевле» («Письма», III, 223). Однако через полтора месяца, очевидно встречая упорное сопротивление жены, он пишет ей: «Этот вопрос я предоставляю вполне на твое решение: как хочешь, так тому и быть. Пожалуй даже хоть и вовсе не переезжать» («Письма», III, 253).

Но вернувшись в Петербург, он все же не расстается со своим заветным желанием. «Насчет переезда в Москву думать не перестая, — пишет он Д. П. Иванову 10 декабря 1847 г., — но смущает мысль, что до открытия железной дороги еще далеко. Посмотрю, как перенесу зиму и весну: коли плохо, то в июне в Москву на переселение» («Письма», III, 334). Белинскому не суждено было пережить весну 1848 г.

Но кто знает, переселись он сюда годом-двумя ранее, не сохранила ли бы ему Москва, выпестовавшая его первые литературные думы, где слагались его «литературные мечтания», еще нескольких лет его пламенной и вдохновенной жизни?

П Р И Л О Ж Е Н И Е

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА БЕЛИНСКОГО

1829—1839 гг.

1. 22—24 августа 1829 г. У В. Ф. и Н. М. Анисимовых. Частный дом Городской части. Зарядье, ныне Ипатьевский пер., № 7. Дом сохранился.

2. 24 августа — начало сентября 1829 г. У О. М. Осинской — сестры Н. М. Анисимовой. Местонахождение дома неизвестно.

3. Начало сентября 1829 г. — октябрь 1829 г. У портного Казакова в доме купца Колесникова на Тверской (на месте нынешнего дома № 5 по ул. Горького).

4. Октябрь 1829 г. — октябрь 1832 г. Общежитие казенноопштных студентов Московского университета, Моховая, № 11, 4-й этаж старого здания университета, левое крыло. Теперь занят под аудиторию филологического факультета.

5. Октябрь 1832 г. — май 1834 г. У А. П. Иванова в доме кн. Касаткина-Ростовского, Рахмановский пер., ныне № 4. Дом сохранился.

6. Май — 3 августа 1834 г. Дом Варьгина на Тверской ул. (на месте нынешнего дома № 8 по ул. Горького).

7. 3 августа — сентябрь 1834 г. У Н. И. Надеждина в доме Самариных на Тверской улице (на месте нынешнего дома № 6 по ул. Горького), или в доме Селивановского на месте нынешнего дома № 15 по ул. Пушкина).

8. Конец 1834 г. У А. М. Полторацкого («Дормедона Прутикова») — Левшинский пер. (ныне ул. Щукина, № 6). Дом сохранился.

9. ? — середина июля 1835 г. Дом Чудиновой (Ковиха?). Местоположение дома неизвестно.

10. Середина июля 1835 г. — ? 1835 г. Снова в доме Касаткина-Ростовского.
11. 1836 г. (месяц неизвестен) — декабрь 1836 г. у Н. И. Надеждина в «ректорском домике» на территории Московского университета, Моховая, № 11. Дом сохранился.
12. Январь — сентябрь 1837 г. Снова в доме Касаткина-Ростовского.
13. 1 октября 1837 г. — 21 марта 1838 г. В доме полковницы Н. Г. Ефремовой. Остоженка, Савеловский пер. (на месте нынешнего дома № 10).
14. 21 марта — начало ноября 1838 г. Константиновский межевой институт. Старая Басманная, дом Куракина (на месте нынешнего дома № 21 по ул. Карла Маркса).
15. Весна 1839 г. Район Никитского (ныне Суворовского) бульвара. Более точных сведений нет.
16. Лето 1839 г. Арбат, левая сторона, близ Большого Афанасьевского пер. Более точных сведений нет.
17. 14—15 сентября 1839 г. — конец октября 1839 г. У В. П. Боткина. Петровверигский пер., № 4. Дом сохранился.
18. Конец декабря 1841 г. — начало января 1842 г. Во время приезда из Петербурга, вероятно там же, у В. П. Боткина.
19. Июнь — август 1843 г. Во время приезда из Петербурга, там же.
20. 28 апреля — 16 мая 1846 г. Проездом на юг России останавливался у Д. П. Иванова, вероятно в доме Волчанинова на 3-й Мещанской ул. (на месте нынешнего № 3).
21. Вторая половина октября 1846 г. Проездом, возвращаясь с юга России в Петербург. Где останавливался в этот последний приезд в Москву, неизвестно.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Ср. сб. «Москва в истории и литературе», М., «Универ. библиотечка», 1916, стр. 383.
- ² В. С. К о л о в. Указатель жилищ и зданий в Москве, или адресная книга с планом, 1826, стр. 156 и 157.
- ³ См. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными», стр. 31—32.
- ⁴ «Москва или исторический путеводитель», 1827, ч. 2, стр. 307.
- ⁵ См. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными», стр. 37.
- ⁶ Институт истории АН СССР. Архив Н. П. Чулкова, папка 2, тетрадь 16.
- ⁷ М. Н а з и м о в. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. — «Русский вестник», 1876, июнь, стр. 133; Ф. И. Б у с л а е в. Мои воспоминания, 1897, стр. 17 и 100; Я. К о с т е н е ц к и й. Воспоминания из моей студенческой жизни. — «Русский архив», 1887, № 1, стр. 106—107.
- ⁸ Сообщено В. В. С о р о к и н ы м, им же даны приводимые нами сведения о размещении университетских учреждений в студенческие годы Белинского.
- ⁹ П. П р о з о р о в. Белинский в Московском университете. — «Библиотека для чтения», 1859, кн. 12, стр. 1. Перепеч.: «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948.
- ¹⁰ П. П р о з о р о в. Цит. соч., стр. 12.
- ¹¹ «Молва», 1831, № 40, стр. 221—222.
- ¹² Институт истории АН СССР. Архив Н. П. Чулкова, папка 7, тетрадь 4, и план владения — ГИИТА.
- ¹³ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 33.
- ¹⁴ П. П р о з о р о в. Цит. соч., стр. 12.
- ¹⁵ «Книга адресов столицы Москвы», изд. Метелеркампом и К. Нистремом, 1839, ч. 1, стр. 15.
- ¹⁶ «Записки Кс. Ал. Полевого», СПб., 1888, стр. 380—381.
- ¹⁷ И. И. Л а ж е ч н и к о в. Заметки для биографии Белинского. — Сб. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», «Academia», 1929, стр. 38.
- ¹⁸ См. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными», стр. 120, 167.
- ¹⁹ «Книга адресов...», ч. 1, стр. 201.
- ²⁰ С. Т. А к с а к о в. История моего знакомства с Гоголем, М., 1890, стр. 5.
- ²¹ «Литературные салоны и кружки», 1926, стр. 354.
- ²² А. Д. Г а л а х о в. Сороковые годы. — «Ист. вестник», 1892, январь, стр. 136.
- ²³ См. в настоящем томе «Переписку Белинского с родными», стр. 166.
- ²⁴ П. П р о з о р о в. Цит. соч., стр. 12; А. Д. Г а л а х о в. Цит. соч., стр. 135.
- ²⁵ С. М. Сухотин послужил впоследствии для Л. Н. Толстого одним из прототипов Каренина. Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., Гослитиздат, т. 20, стр. 640.
- ²⁶ В. С. К о л о в. Указатель жилищ и зданий в Москве, 1826, стр. 86.
- ²⁷ Д. К о р с а к о в. К. Д. Кавелин. — «Вестник Европы», 1886, кн. 5, стр. 13.
- ²⁸ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», 1948, стр. 174.

- 29 П. И. Лажечников. Цит. соч., стр. 22.
- 30 «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 411.
- 31 «Лит. наследство», т. 55, стр. 298.
- 32 С. Т. Аксаков. Цит. соч., стр. 8 и 10.
- 33 Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, 1897, стр. 46.
- 34 А. А. Мартынов. Московские улицы.—«Русский архив», 1878, т. I, стр. 156.
- 35 «Переписка Н. В. Станкевича», стр. 285.
- 36 Там же, стр. 308, 327 и 333.
- 37 Там же, стр. 341.
- 38 А. Д. Галахов. Сороковые годы.—«Ист. вестн.», 1892, январь, стр. 135.
- 39 Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, стр. 39.
- 40 М. К. Любавский. Московский университет в 1812 году, М., 1913, стр. 10; см. также Отчет Московского университета за 1834—1835 гг., стр. 47; Отчет о состоянии и действиях Московского университета в 1860/61 академич. и 1861 гражд. г., стр. 30.
- 41 М. К. Любавский. Цит. соч., стр. 57.
- 42 «Ученые записки Московского государственного университета». Юбилейная серия, вып. III, М., 1940, стр. 71—72.
- 43 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1908, стр. 173.
- 44 «Книга адресов столицы Москвы», ч. 1, стр. 176.
- 45 «Русские ведомости», 1911, № 135, стр. 5.
- 46 «Переписка Н. В. Станкевича», стр. 589—590.
- 47 «Книга адресов столицы Москвы», ч. 1, стр. 190, 285; ч. 2, стр. 114.
- 48 Там же, ч. 3, стр. 176.
- 49 «Записки Кс. Ал. Полевого», СПб., 1888, стр. 374.
- 50 Там же, стр. 377.
- 51 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, стр. 114.
- 52 См. в настоящем томе сообщ. К. Богаевской стр. 374 и портрет на стр. 29.
- 53 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, стр. 204.
- 54 «Книга адресов столицы Москвы», ч. 1, стр. 254.
- 55 М. Рудольф. Москва с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей, 1848, ч. 3, стр. 65.
- 56 «Дневник И. М. Снегирева».—«Русский архив», 1902, кн. 12, стр. 462.
- 57 И. И. Панаев. Литературные воспоминания и воспоминания о Белинском, СПб., 1876, стр. 246.
- 58 Там же, стр. 461—462.
- 59 А. Панаева. Воспоминания, М., 1948, стр. 77, 78.
- 60 И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 464.
- 61 Там же, стр. 272 и 273.
- 62 Там же, стр. 198—199.
- 63 Институт истории АН СССР. Архив Н. П. Чулкова, папка 7, отдельная запись.
- 64 В. Соколов. Указатель жилищ и зданий в Москве..., гл. 2, стр. 189.
- 65 И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 249.
- 66 «Русский архив», 1902, т. 3, стр. 480.
- 67 Там же, 1897, т. 1, стр. 461.
- 68 И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 319.
- 69 С. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, I, М., 1949, стр. 86—89.
- 70 Т. П. Пассек. Из дальних лет, СПб., т. 2, 1906, стр. 148.
- 71 М. Гершензон. Образы прошлого, 1912, стр. 365.
- 72 «Воспоминания Н. М. Сатина». «Русск. Пропилей», т. I, стр. 201.
- 73 А. Д. Галахов. Мое сотрудничество в журнале.—«Ист. вестн.», 1886, № 11, стр. 316.
- 74 См. «Белинский в неизданной переписке современников» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 129.
- 75 И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 319.
- 76 Там же, стр. 315.
- 77 «Почтовый дорожник, или описание всех почтовых дорог Российской империи», СПб., 1824, стр. 2.
- 78 И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 315.
- 79 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, стр. 651.
- 80 А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. XIII, стр. 91.
- 81 «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 45; ср. также в наст. томе «Переписку Белинского с родными», стр. 240.
- 82 «Моск. справочная книжка», изд. В. Пассеком, М., 1842, стр. 272.
- 83 «Книга адресов столицы Москвы», т. I, стр. 180. См. также А. А. Мартынов. Московские улицы.—«Русский архив», 1879, т. 2, стр. 217.
- 84 А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. IV, стр. 413.
- 85 «Воспоминания Ал. Вл. Щепкиной», Сергиев Посад, 1915, стр. 127—129.
- 86 И. И. Панаев. Литературные воспоминания..., стр. 506—507.
- 87 «Моск. справочная книжка», стр. 368.

II. БЕЛИНСКИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Статья С. Рейсера

План переезда в Петербург впервые возник у Белинского, повидимому, еще в начале 1837 г. под влиянием тяжелого материального положения, в котором он оказался после закрытия «Телескопа» и при отсутствии других перспектив журнальной работы в Москве.

Тогда же начались его переговоры с Краевским и Плюшаром о сотрудничестве в их изданиях. Вопрос о переезде в Петербург в это время несомненно обсуждался. В письме от 19 января 1837 г. Краевский сообщает Белинскому, что Плюшар затрудняется в предоставлении ему «квартиры, особенно теперь; со временем, может быть, представится случай; но это только м с ж е т б ы т ь, и я бы советовал на это не рассчитывать»¹.

Переговоры оборвались, так как, по словам Белинского, «от него требовали невозможного (<...> поэтому поездка должна не состояться» («Письма», I, 124)². Огорченный и рассерженный он уехал на Кавказ, откуда 21 июня писал Д. П. Иванову, что Петербург он любит, «как Камчатку» («Письма», I, 75). Впрочем, в тот же день в письме к К. С. Аксакову он писал: «во всяком случае, еду в Петербург, потому что в Москве, кроме голодной смерти и бесчестия, ожидать нечего» («Письма», I, 71). Однако переезд в Петербург попрежнему ему не улыбается, и он согласен при малейшей к тому возможности остаться в Москве. Если бы, например, Кс. Полевому удалось приобрести «Москов. наблюдатель», — «...тогда бы уже меня не стала мучить мысль о необходимости переехать в Петербург» («Письма», I, 131).

И все же, поскольку размах журнально-издательской деятельности в Петербурге был несравненно шире, мысль о переезде возникала снова и снова. «...Мне нечего делать в Москве, — писал Белинский Бакунину 15 ноября того же 1837 г., — я хочу существовать и материально и нравственно и почему-то, не знаю сам, думаю, что только в Петербурге могу жить тем и другим образом» («Письма», I, 154). И хотя «в мысли о Петербурге» для него «есть что-то горькое, сжимающее грудь тоскою», все же в этом городе он надеется найти нечто «дающее силу, возбуждающее деятельность и гордость духа» (т а м ж е).

В октябре или ноябре 1837 г. Белинский ведет переговоры с переехавшим к тому времени в Петербург Н. А. Полевым о сотрудничестве в его журналах («Письма», I, 177), и это должно было, как думал Белинский, решить его участь. Однако дело затягивалось. Весной 1839 г. Белинский предполагал «если будут средства» побывать в Петербурге, в котором он еще никогда не был («Письма», I, 213). Но средств не было. Надежды, возлагавшиеся на «Московский наблюдатель», который Белинский редактировал с весны 1838 г., не оправдались. А между тем, по словам критика, ему надо было «чем-нибудь жить, чтоб не умереть с голоду», в Москве же «кроме любви, дружбы, добросовестности, нищеты и подобных тому непитательных блюд, ничего не готовится» (И. И. Панаеву, 18 февраля 1839 г.). В состоянии полного отчаяния Белинский обращается к Панаеву с прямой просьбой — «похлопотать об устройении моей судьбы...» («Письма», I, 311—312)³.

Завязавшиеся переговоры с Краевским о привлечении Белинского к ближайшему сотрудничеству в «Отечественных записках», как видно из переписки, к 5 июля 1839 г. закончились, и вопрос о переезде был, в основном, решен: отъезд намечался на середину октября, но несколько задержался («Письма», I, 368, 375).

Лишь около 24 октября 1839 г. Белинский приезжает в Петербург. Собственной квартиры у него вначале не было, и временно он остановился у И. И. Панаева, вместе с которым приехал из Москвы⁴. С Панаевым Белинский к этому времени близко сошелся; он говорил о нем, что это «...один из тех людей, с которыми, узнавши раз, не захочешь никогда расстаться» («Письма», I, 363).

Панаевы (И. И. Панаев был уже женат на Авдотье Яковлевне Брянской) жили тогда у матери писателя на Грязной улице, недалеко от казарм Семеновского полка в доме № 63, принадлежавшем архитектору Е. А. Диммерту. Панаевы занимали

верхний этаж этого двухэтажного с каменным низом и деревянным верхом дома, а Белинскому была отведена одна комната в нижнем этаже, где вместе с ним помещался 15-летний Валерьян Панаев.

«Когда Иван Иванович Панаев пригласил еще в Москве Белинского остановиться у него в доме, — рассказывает В. Панаев, — он рассчитывал, что может дать Белинскому не менее двух комнат внизу. Между тем в его отсутствие мать распорядилась нижними комнатами занимаемого ею дома, поместив там в двух комнатах одну из своих любимых приживалок (другая помещалась сверху), и отвела еще две комнаты для домашнего доктора, приезжавшего два раза в неделю из Павловска в Петербург. Затем оставалась одна свободная комната, в которую поместили меня. Иван Иванович Панаев ужасно рассердился, и в первый же час приезда вышла домашняя сцена, но делать было нечего — Белинского поместили в той комнате, в которой помещался и я»⁵.

Грязная улица, впоследствии Николаевская, а теперь улица Марата, сильно изменила с тех пор свой облик: деревянных зданий на ней — одной из центральных улиц города — уже не осталось. Не сохранился и дом Диммерта (№ 63), занимавший участок нынешнего дома № 706⁶.

У Панаевых Белинский прожил недолго. Совместная жизнь с юношей Панаевым, вероятно, стесняла его, а по свидетельству А. Я. Панаевой, «ему очень не нравилась обстановка барского дома матери Панаева и множество крепостной прислуги»⁷.

Вероятно, уже в первой половине декабря 1839 г. Белинский покинул Панаевых. А. Я. Панаева, конечно, ошибается, ограничивая время пребывания у них Белинского одной-двумя неделями («Воспоминания», стр. 90).

Возможно, что первое самостоятельное жилище его было: «в Галерной улице насупротив дома, принадлежавшего морскому министерству, на месте которого потом был выстроен дворец вел. кн. Николая Николаевича». Такой адрес сообщает Ю. Арнольд в своих воспоминаниях, добавляя при этом: «Виссарион Григорьевич занимал в 4-м этаже этого дома две плохо меблированные комнаты от жильца, какого-то сенатского протоколиста»⁸.

К сожалению, трудно полагаться на очень неточные воспоминания Арнольда. Весь рассказ его о встречах с Белинским явно относится к осени и зиме 1840/41 г. Так, по словам Арнольда, он встретил у Белинского Кольцова, что могло быть в октябре — ноябре 1840 г. Его сообщение о ссоре с Белинским, происшедшей в марте, может относиться лишь к марту 1841 г., ибо из текста воспоминаний мы узнаем, что в январе 1840 г. Арнольд тяжело заболел и оправился от болезни не ранее мая. Следовательно, бывать у Белинского и ссориться с ним в марте 1840 г. он, очевидно, не мог. Из всех этих противоречивых свидетельств Арнольда можно воспользоваться, повидимому, только самым фактом визитов к Белинскому, со столь точным описанием места, дома, комнат и хозяина квартиры, что не поверить его сообщению нельзя. Условно можно считать поэтому Галерную (ныне Красную) улицу вторым местом жительства Белинского в Петербурге. Возможно, что Белинский жил в доме № 23, 25 или 29 нынешней нумерации. Скорее всего это был дом № 25.

Точно так же, предположительно, определяется и следующий адрес Белинского в Петербурге. Квартира на Галерной улице его по каким-то причинам не удовлетворяла, и, прожив в ней очень недолго, Белинский ее оставил и до начала февраля 1840 г. прожил в «небольшой, — по описанию Анненкова, — квартире из двух комнат красивого деревянного домика на Большом проспекте Петербургской стороны»⁹. Однако более точный адрес этой квартиры Белинского неизвестен, и определить местонахождение дома теперь невозможно. Все дома Большого проспекта более позднего происхождения.

Надо ясно представить себе Петербургскую сторону в те отдаленные годы: «немощенные, обросшие травой улицы, непролазно-грязные осенью и весной, пыльные летом и тонущие в глубоких сугробах зимою, с высокими дырявыми мостками вместо тротуаров; приземистые старенькие домишки, с высочайшими, почти отвесными тесовыми и черепичными кровлями, покрытыми мохом и травой, с покосившимися воротами <...> лабиринт глухих, кривых безлюдных переулков и закулков; масса

садов, огородов и заросших бурьяном пустырей <...> — все это напоминало именно захолустный заштатный городишко, а не уголок европейской столицы <...> Это был своеобразный мирок отставных и заштатных чиновников <...>, убогих кумушек-салопниц, горемычных домовладельцев <...>, ежедневно рисковавших быть погребенными под развалинами своих ветхих домишек». Это строки Скабичевского, изображающие картину Петербургской стороны сто с лишним лет назад¹⁰. Материальное положение Белинского было в это время очень тяжелое, его заработок у Краевского не мог обеспечить сколько-нибудь сносного существования. Анненков пишет о его квартире, что она была сырая и холодная.

Воспоминания Анненкова и Панаева — источники довольно точные, и не верить им нет никаких оснований, особенно если учитывать, что представляла в те годы Петербургская сторона; подобный адрес ни слутать, ни забыть невозможно. Нужно

ДОМ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ В. П. АЛЕКСЕЕВУ. ЗДЕСЬ В АВГУСТЕ — НОЯБРЕ 1840 Г. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

«Мой адрес: на Васильевском острове, на Малом проспекте, между 5 и 6 линиями в доме Алексеева из ворот направо, во 2 этаже направо...» (Из письма Белинского к В. П. Боткину от 7 октября 1840 г.)

Фотография С. А. Рейсера, 1949 г.

лишь иметь в виду, что последовательность этих двух адресов устанавливается предположительно. Возможно, что Белинский сначала жил на Петербургской стороне, а потом на Галерной улице — более точно определить пока невозможно.

Сырая квартира в далеком и совершенно неблагоустроенном районе не могла прийтись Белинскому по вкусу. Сообщение с центром, где помещалась редакция «Отечественных записок», книжные лавки и где жили товарищи по работе, было плохое — мост (против Летнего сада) был наводной и нередко снимался, совершенно отрезая пути сношения с городом. Только жестокая нужда могла заставить взять эту квартиру.

Примерно в самом начале ноября 1839 г. Белинский через М. А. Бакунина познакомился с братом декабристов Н. Ф. и В. Ф. Заикиных — «чудеснейшим» человеком — Павлом Федоровичем Заикиным. Уже 22 ноября Белинский сообщил Боткину, что он предвидит с Заикиным «скорое и тесное сближение». Так оно и оказалось в действительности. Они видятся по четыре раза в неделю, вместе учатся немецкому языку.

Белинский то и дело остается у Заикина обедать («Письма», II, 2, 6, 28, 72). Условия жизни Белинского были таковы, что полюбивший его Заикин, человек состоятельный¹¹, вероятно предложил ему переселиться к себе. Белинский принял это предложение и в конце января или в начале февраля 1840 г. переехал к Заикину («Письма», II, 30, 53). Жизнь у Заикина продолжалась недолго — до отъезда Заикина за границу 11 мая 1840 г. В «Прибавлениях к Санкт-Петербургским ведомостям» в №№ 78, 80 и 82 от 6, 9 и 11 апреля 1840 г. в отделе «отъезжающие за границу» мы находим адрес Заикина: «Павел Федорович Заикин, отставной поручик, спрос(ить) Лит(ейной) части по Моховой улице в доме Горбуновой». При помощи указателей Цылова и Нистрема¹² дом этот без труда определяется: Моховая улица, № 14. Этот деревянный дом до наших дней не сохранился — теперь на его месте № 11.

Возможно, что, живя у Заикина, Белинский не отказывался и от своей старой квартиры и смотрел на свое пребывание у Заикина, как на временное пристанище на зиму: поездка Заикина была предreshена довольно давно, он к ней готовился, изучал немецкий язык. Это соображение находит некоторое подтверждение в следующих словах письма Белинского к П. Н. Кудрявцеву от 24 апреля 1840 г.: «хозяйством я не завожусь, а как уедет Заикин, и я съеду на свою квартиру» («Письма», II, 120) — не исключено, что она уже была готова.

Так или иначе, после отъезда Заикина за границу Белинский переехал в собственную квартиру, но уже в конце августа мы находим его в пятом по счету месте. Он переехал на Васильевский остров, в район, тоже еще не полностью заселенный, но гораздо более благоустроенный, чем Петербургская сторона. Белинский нашел себе квартиру на Малом проспекте (между 5 и 6-й линиями), в доме Алексеева («Письма», II, 161, 167). Указателями¹³ Цылова и Нистрема этот адрес устанавливается совершенно точно. Белинский жил в доме купца В. П. Алексеева на углу Малого проспекта и 6-й линии — по тогдашней нумерации № 10/54. Дом этот сохранился — теперь это № 156/53. По описанию Цылова, дом был четырехэтажным, пятый этаж — типа мансард для художников — надстроен в более поздние годы. Местоположение своей квартиры Белинский в письмах указывает так: «из ворот направо, во втором этаже», или несколько подробнее: «из ворот направо, во 2-м этаже направо»¹⁴. Однако этих указаний недостаточно, чтобы определить квартиру (она была из двух комнат), в которой жил критик¹⁵.

В доме Алексеева Белинский прожил не более трех месяцев. Здесь у него останавливался в октябре — ноябре 1840 г. Кольцов («Письма», II, 161), бывали Герцен, Панаев и другие писатели и журналисты, здесь был написан критиком ряд статей, в том числе о стихотворениях Лермонтова.

Еще не имея постоянного угла, Белинский писал своему родственнику Д. П. Иванову: «поздравляю тебя с хорошею квартирою. Это, брат, важное, даже первое дело во внешней жизни» («Письма», II, 54). Это «первое дело» Белинскому никак не удавалось устроить. Адреса его менялись в эти годы довольно часто; он и сам настолько не был уверен в их постоянстве, что в течение долгого времени просил адресовать ему всю корреспонденцию в редакцию «Отечественных записок», помещавшуюся сначала на Невском проспекте, в доме голландской церкви (теперь № 20), а потом на Невском же против Гостиного двора, в доме Лукина № 47 тогдашней нумерации (дом не сохранился).

Из дома Алексеева Белинский выехал около 7 ноября 1840 г. Он переселился на 2-ю линию Васильевского острова в находившийся напротив Академии художеств дом губ. секр. Е. Л. Бем (дом № 4, квартира 7). Этот адрес, указанный самим Белинским («Письма», II, 177), уточняется следующей записью, сделанной В. Ф. Одоевским и сохранившейся в его бумагах: «Виссарион Григорьевич против Академии художеств в доме Бем, в отдельном флигеле на дворе»¹⁶. Ни дом, ни флигель не сохранились. На месте их сейчас находится большой каменный дом № 3. Вместе с Белинским на новую квартиру во флигеле дома Бем переехал, очевидно, и Кольцов, остававшийся в Петербурге до конца ноября. После его отъезда Белинский писал В. П. Боткину (11 декабря 1840 г.): «И вот опять никого со мною, опять я один, — и пуста та комната, где еще так недавно мой милый Алексей Васильевич с утра до ночи

упоевался чаем и меня поил!» («Письма», II, 191). В том же доме жил приехавший из Москвы для поступления в Академию художеств К. А. Горбунов.

Своей новой квартирой Белинский был очень недоволен: «...давлюсь кашлем, исхожу мокротою, ибо и с чаем и со щами ем алебастровую пыль», — писал он Краевскому в марте 1841 г. («Письма», II, 228). Вскоре он оставляет дом Бем. В июне 1841 г. он уже живет на другой квартире, недалеко от места первого его жительства у Панаевых. Адрес Белинского на этот раз таков: Семеновский полк, Средний проспект, между 1-й линией и Госпитальной улицей, в доме Бутаровой, квартира 22 («Письма», II, 251).

Современному ленинградцу этот адрес ничего решительно не говорит — все четыре названия заменены другими. Семеновским полком назывался довольно обширный

ДОМ НА УГЛУ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА И ФОНТАНКИ В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ А. Ф. ЛОПАТИНУ. ЗДЕСЬ В НОЯБРЕ 1842 — АПРЕЛЕ 1846 гг. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография С. А. Рейсера, 1949 г.

район от нынешней Звенигородской улицы до Международного проспекта¹⁷. Здесь был расквартирован лейб-гвардии Семеновский полк. Средний проспект теперь носит название Клинского, 1-я линия — ныне Серпуховская улица, Госпитальная улица — Бронницкая. По Нистрему, дом Бутаровой числится под № 17 по Госпитальной улице, на углу Среднего проспекта. По Цылову, этот дом значится под № 19 и принадлежал (в 1848—1849 гг.) купчихе Т. Д. Ивановой¹⁸. Несомненно, однако, что речь идет об одном и том же доме. Нумерация в те годы была не вполне установившейся, в быту и в письмах адрес указывался описательно, с непременным упоминанием имени домовладельца. Дом Бутаровой, повидимому, соответствует в наши дни дому № 22/18 на углу Клинского проспекта и Бронницкой улицы. Архитектура здания, лестничная клетка, подворотни и другие детали явно свидетельствуют о том, что здание относится к первой четверти XIX в. Позднее (1878 г.) были надстроены еще два этажа, на что указывает линия карниза над вторым этажом¹⁹. Определить квартиру, в которой жил Белинский, теперь невозможно.

В доме Бутаровой Белинский прожил до осени 1842 г. Этой квартирой он был доволен. «У меня большая квартира и сад, весьма помогающий мне ничего не делать», —

писал он В. П. Боткину 28 июня 1841 г. («Письма», II, 257). «Квартира у меня теперь прелесть», — читаем в письме к Д. П. Иванову от 25 августа 1841 г. («Письма», II, 261).

В ноябре 1842 г. адрес Белинского снова меняется и на этот раз сохраняется в течение почти четырех лет, до апреля 1846 г. Это самый длительный срок жизни критика на одной и той же петербургской квартире. Белинский переезжает в самый центр столицы в известный всему Петербургу огромный дом (в нем было до 80 квартир) купца А. Ф. Лопатина, у Аничкова моста на углу Невского проспекта и Фонтанки, против дворца кн. Белосельского-Белозерского (по тогдашней нумерации: Невский, № 71, Фонтанка, № 41—43; теперь Невский, № 68, Фонтанка, № 40). Здание это сохранилось: средняя часть его по Невскому проспекту была во время войны разрушена вражеской бомбой и восстановлена (точнее сказать, реконструирована) в 1947 г.²⁰

Дом Лопатина был расположен недалеко от редакции «Отечественных записок», да и сам владелец и редактор журнала — А. А. Краевский жил в том же доме. В нем же на четвертом этаже находилась квартира Панаевых (здесь, видимо, Некрасов и познакомился с А. Я. Панаевой), а на третьем этаже (с 1845 г.) — квартира близкого друга Белинского — Н. Н. Тютчева.

Современники называли дом Лопатина «литературным домом». Здесь жил липейский товарищ Пушкина М. Л. Яковлев, в 1837 г. — воспетая Некрасовым В. Н. Асенкова, в 1867 г. — Писарев и М. А. Маркович (Марко-Вовчок).

В 1905 году в этом доме помещалась редакция большевистской газеты «Новая Жизнь»; здесь 20 или 21 ноября Владимир Ильич Ленин участвовал в расширенном заседании редакции, а 29 ноября здесь же, на заседании ЦК РСДРП с участием В. И. Ленина было принято решение о созыве IV съезда партии. В период ноябрь — декабрь 1905 г. Ленин бывал в этом доме едва ли не ежедневно²¹.

Судя по письмам Белинского, он занимал сначала квартиру № 55, однако уже в марте 1843 г. он называет другую квартиру — № 48 («Письма», II, 315, 318 и 355). По словам А. Я. Панаевой, квартира Белинского была во дворе, по черной лестнице и «выходила окнами на конюшни и навозные кучи. Солнце никогда не заглядывало в эти окна»²². Н. Н. Тютчев также сообщает о квартире во дворе во втором этаже, над сараями»²³. Тургенев со своей стороны вспоминает: «Он занимал квартиру в нижнем этаже на Фонтанке, недалеко от Аничкова моста — невеселые, довольно серые комнаты»²⁴.

В мае 1843 г. Краевский выехал из дома Лопатина: здесь недавно умерла его жена Анна Яковлевна, урожд. Брянская (сестра Авдотьи Панаевой), и он не захотел оставаться в квартире, с которой у него связывались отныне тяжелые воспоминания. После некоторых затруднений и проволочек квартира Краевского (№ 47) перешла к Белинскому, и в конце августа он переехал в нее. Точнее — переезд состоялся в его отсутствие; Белинский приехал из Москвы прямо в новую квартиру («Письма», II, 371; III, 3—4). Это была квартира из двух комнат, светлая, сухая и теплая; она находилась на третьем этаже, два окна одной из комнат выходили во двор.

Видимо, здесь же Белинский остался и после женитьбы на М. В. Орловой²⁵ в ноябре 1843 г. Точно в январе 1846 г. в письмах Белинского появляется номер еще одной квартиры в том же доме Лопатина — № 43 («Письма», III, 92, 112). Вероятно, именно к ней и относится рассказ Анненкова о квартире в пять комнат²⁶ и Н. Н. Тютчева, вспоминающего четыре комнаты. Показания Тютчева, впрочем, противоречивы: видимо, в старости, когда писались воспоминания, он соединил в своей памяти различные квартиры Белинского в доме Лопатина.

В доме Лопатина Белинский познакомился с Тургеневым. Здесь у него бывали Некрасов, Григорович, Панаев, Анненков, Кронеберг, А. Н. Майков, М. А. Языков, И. И. Маслов, Н. Н. Тютчев и приезжавшие из Москвы Грановский, Кетчер, Боткин. Здесь Гончаров несколько вечеров читал «Обыкновенную историю», здесь же впервые в писательском кругу появился молодой Достоевский, автор повести «Бедные люди». Здесь были созданы статьи Белинского о Гоголе, Державине, В. Ф. Одоевском, Тургеневе, В. А. Соллогубе, Евг. Сю; был начат цикл статей о Пушкине, писались годовые обзоры русской литературы в 1842, 1843, 1844 и 1845 гг.

В этом доме в маленькой квартире Белинского нередко собирався дружеский кружок, горячо обсуждавший вопросы современной литературы и жизни; для многих на всю жизнь запомнились страстные речи их друга и учителя. Памятная доска на доме, установленная в юбилейные дни 1948 г., напоминает о месте, где жил и творил Белинский²⁷.

Жизнь в доме Лопатина была осложнена какими-то неладными женами Белинского с управляющим домом. В конце апреля 1846 г. Белинский уехал на юг, а семья — в Ревель, и квартира в доме Лопатина была оставлена.

По возвращении (в октябре 1846 г.) Белинский селится на Фонтанке, № 14 (теперь № 17) в доме М. И. Федорова²⁸ по соседству с И. И. и А. Я. Панаевыми и Некрасовым, жившими тогда на Фонтанке в доме № 16, и остается здесь до отъезда за границу в начале мая 1847 г. В объявлении «С.-Петербургских ведомостей» об отъезжающих за границу (в №№ 78, 80, 82 от 10, 12 и 15 апреля 1847 г.; ср. также «Лит. наследство», т. 55, стр. 55) адрес Белинского указан так: «3-й Адмир<алтейской> части 1-го квартала, в доме № 3». Этот адрес соответствовал дому № 3 по Караванной улице. Тыловой стороной дом был обращен к тыловой же стороне дома Федорова, оба владения имели общий двор. Этот адрес являлся официальным полицейским адресом для прописки, юридических дел и пр. (типичное для Петербурга явление). С этим домом у Белинского было связано тяжелое воспоминание. Здесь в конце марта или в начале апреля умер маленький сын Белинского Владимир, крестник Тургенева.

Возвратившись из-за границы, Белинский начал искать квартиру; вначале пришлось взять временную и совершенно неподходящую где-то на Знаменской улице²⁹. Более детальных сведений об этом местожительстве Белинского мы не нашли.

«... После страшных хлопот и скитаний» («Письма», III, 266), приблизительно в октябре удалось найти новую квартиру: предстоял ремонт и мучительный переезд — часть вещей была на старой квартире, мебель стояла у Языковых, книги были сложены у Тютчевых — «одна укладка книг взяла <...> дней пять» (то же письмо)³⁰.

Новая квартира была найдена на Лиговском канале в доме коллежского советника И. Ф. Галченкова (№ 73 тогдашней нумерации). Дом этот находился против Кузнечного моста и переулка. Во дворе, во втором этаже двухэтажного деревянного флигеля и поселились Белинский (см. иллюстрацию — «Лит. наследство», т. 56, стр. 185). «К счастью, случайно нашли квартиру большую, красивую и дешевую. Кроме кухни и передней — шесть комнат, большие стекла, полы — паркé, обои — цена 1320 р. асс.», — сообщал Белинский о своей квартире Анненкову 20 ноября 1847 г. («Письма», III, 292).

Николаевская железная дорога в это время только прокладывалась, и район Лиговского канала был мало застроен; дома были окружены зеленью. Среди зелени стоял и дом Белинского, который рассчитывал, что это место сможет служить летом и в качестве дачи³¹.

В петербургский период Белинский два лета провел за городом. В 1844 г. — на даче в Лесном (тогда под Петербургом, теперь в черте Ленинграда) и в 1845 г. — под Парголовым.

Воспоминания и переписка современников дают представление об условиях дачной жизни Белинского.

В июне 1844 г. Н. Х. Кетчер извещал Герцена: «... Виссарион переехал на дачу, т. е. в лачугу полуразвалившуюся, две стороны которой выходят на двор, третья на огород, а четвертая в так называемый садик, в котором к стене приделан парусиновый навес, три сирени, две паршивых березы, лоза и всякая дрянь и сор, а он очень доволен»³².

А. В. Орлова, сестра жены Белинского, в свою очередь рассказывает: «Дача у нас была омерзительная, построенная из барачного леса и оклеенная самыми жалкими обоями. Ветер гудел непрестанно под полутклевившимися обоями; в комнатах было так холодно, что мы все трое <т. е. Белинский, его жена и автор воспоминаний> с ногами усаживались на диван и с нами две молодые собачонки, чтобы лучше согреться, и со стола не снимали самовар. Белинский говорил, что на даче благоденствуют только собаки и я».

Из текста воспоминаний Орловой следует, что на дачу они переехали в самом конце мая или начале июня³³. Не менее мрачное описание этой дачи оставила и А. Я. Панаева: «... На лето он <Белинский> переехал на дачу около Лесного или куда-то недалеко от города. Что это была за дача: изба, перегороденная не до потолка, в которой с одной стороны была кухня, а с другой — его комната вроде чуланчика, где он и спал. В жаркие дни можно было задохнуться от духоты на этой даче, а в дождливые — продрогнуть до костей от сырости и сквозного ветра, дувшего из щелей пола и стен»³⁴.

О даче в Парголово А. В. Орлова пишет: «В 1845 году лето мы провели на даче под Парголовым. Белинский купался в озере, спал наверху с открытыми окнами, схватил воспаление и его полуживого перевезли в город...»³⁵ Об этой же даче упоминает и Н. Н. Тютчев: «По случаю слабости его <Белинского> груди доктора приказывали ему нанимать дачу где-либо около соснового леса. Помню, как одно лето он провел на крошечной дачке, в самом лесу, около Поклонной горы»³⁶.

Последние полгода своей жизни Белинский прожил в доме Галченкова. Здесь он и скончался 26 мая 1848 г.

Дом Галченкова не сохранился: он был сломан в 1910 г., и на его месте был выстроен огромный доходный дом (№ 44)³⁷.

Таков топографический очерк странствий Белинского по неприветливому для него николаевскому Петербургу.

Квартиры в далеких неблагоустроенных районах, сырые и холодные комнаты без солнца, над сараями и конюшнями, вблизи навозных куч, алебастровая пыль и пререкания с управляющими — в таких условиях жил и творил Белинский.

С одной стороны Петербург обманул ожидания Белинского — он не нашел в нем ни спокойствия, ни выхода из суровой материальной нужды. Уезжая в Петербург, он пророчески писал («Письма», I, 375), что едет туда

Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злостью долей переведаться.

Но, как и предполагал Белинский, в Петербурге начался новый период его творчества. Здесь, вскоре после переезда, он нашел путь к развитию «идеи отрицания», к окончательному оформлению революционно-демократического мировоззрения³⁸. Здесь создал он свои лучшие произведения, на которых воспитывались все последующие поколения русской демократии.

Ярким свидетельством примирения с Петербургом является статья 1844 г. «Петербург и Москва». В то время как в Москве «нет никакой литературной деятельности, по крайней мере теперь <...> Петербург, — по мнению Белинского, —... есть необходимое и вековечное явление, величественный и крепкий дуб, который сосредоточит в себе все жизненные соки России» (IX, 230, 220).

В заключение еще несколько слов о последнем «жилище» Белинского — о его могиле на Волковом кладбище.

Свояченица Белинского А. В. Орлова рассказывает в своих воспоминаниях о вопиющей нужде, в которой умирал Белинский: «денег в доме совсем не было. За квартиру и прислуге несколько месяцев не заплачено; пришлось еще при жизни его продать рубашки, что он привез из-за границы...»³⁹ Грановский, находившийся в эти дни в Петербурге, писал жене: «он не оставил по себе ни гроша буквально, мы дали свои деньги на погребение»⁴⁰.

Волково кладбище, где был похоронен Белинский, основано в середине XVIII в. Оно никогда не считалось ни аристократическим, ни даже просто привилегированным. Здесь хоронили мелких чиновников (вроде описанного Некрасовым в первой части стихотворения «О погоде»), вообще «простолоудинов», людей «низкого звания»; лиц умерших в больницах Мариинской, Обуховской, Калининской и в больнице для черно-рабочих, а также жертв холерной и иных эпидемий. В начале XIX в. здесь стали хоронить купцов; лишь в середине века кладбище стало «всесловным, хотя большинство

КНИЖКА

Эта книжка оформлена в честь жертв
взрывов на территории В. П. Бельмановской
нагорной фабрики, сгоревшей
после взрыва топлива, происшедшего
после К. М. Сагановича и В. П.
Касаткина.

Мит. Г. К. Касаткин, член семьи
Бельмановской фабрики
устроитель и член В. П. Б.

панихида, а на Бельмановской
дожде, а также член
Бельмановской.

В. П. Касаткин

Памфлет Касаткиных.

№ п/п	№ п/п	Имя	Сумма
1	1	Касаткин	5
2	2	Касаткина	25
3	3	Касаткина	5
4	4	О. М. Касаткина	30
5	5	А. М. Касаткина	5
6	6	В. П. Касаткин	5
7	7	К. М. Касаткин	2
8	8	О. М. Касаткина	6
9	9	Бельмановская	10
10	10	Е. П. Касаткина	5
11	11	М. П. Касаткина	6
12	12	В. П. Касаткин	3
13	13	К. М. Касаткин	3
14	14	Б. П. Касаткин	5
15	15	В. П. Касаткин	25
16	16	К. М. Касаткин	5
17	17	В. П. Касаткин	10

Список

№ п/п	Имя	Сумма
1	В. П. Касаткин	1 руб.
2	М. П. Касаткина	3 руб.
3	К. М. Касаткин	5 руб.
4	О. М. Касаткина	5 руб.
5	А. М. Касаткина	3 руб.
6	В. П. Касаткин	10 руб.
7	М. П. Касаткина	3 руб.
8	К. М. Касаткин	25 руб.
9	О. М. Касаткина	100 руб.
10	В. П. Касаткин	50 руб.
11	М. П. Касаткина	3 руб.
12	К. М. Касаткин	3 руб.
13	О. М. Касаткина	5 руб.
14	А. М. Касаткина	3 руб.
15	В. П. Касаткин	25 руб.
16	М. П. Касаткина	25 руб.
17	К. М. Касаткин	25 руб.
18	О. М. Касаткина	25 руб.
19	А. М. Касаткина	25 руб.
20	В. П. Касаткин	25 руб.

погребаемых и доселе составляют простолюдины: мещане, крестьяне и низшие воинские чины», — сообщал историк кладбища Н. Вишняков⁴¹.

На этом-то неблагоустроенном, расположенном в низине и порою затопляемом кладбище, находившемся недалеко от последней квартиры Белинского в полупустынном месте, в левой его части и был похоронен Белинский. Невдалеке была могила скончавшегося в 1845 г. его приятеля А. Я. Кульчицкого (место могилы теперь неизвестно).

Немногие друзья, не более двадцати человек, провожали тело своего друга и учителя. По дороге, рассказывал И. И. Панаев, к процессии неожиданно присоединилось несколько «неизвестных» — полицейских агентов, явившихся наблюдать за происходящим. Никаких речей на кладбище не было. В могилу, в которую начинала уже проступать вода, опустили тело Белинского⁴².

Вскоре ближайшие друзья «решили непременно поставить памятник на его могиле, но решение это так и осталось <невыполненным>»⁴³.

Лишь через несколько лет родственник Белинского Д. П. Иванов, будучи в Петербурге, по поручению и на средства вдовы критика, М. В. Белинской, поставил на его могиле простой памятник⁴⁴. Этот памятник в течение ряда лет не обновлялся, надзора за ним на кладбище тоже не было, и постепенно он обветшал настолько, что найти могилу стало нелегко.

И с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила, —

писал Некрасов в стихотворении «Памяти приятеля»⁴⁵ (ср. также стихотворения «Белинский» и «О погоде»).

В 1856 г., располагая лишь скудным указанием («помню только, что влево от церкви») вдовы Белинского, до 1858 г. ни разу не приезжавшей в Петербург после смерти мужа, поисками могилы занялся П. А. Ефремов. «Я нарочно, — рассказывал он, — три воскресенья подряд ходил на кладбище и рассматривал могилы влево от церкви. Наконец, нахожу полуразвалившуюся могилу, покрытую камнем; сбоку она была обложена тоже четырьмя камнями, но один из них успел уже отвалиться. Разглядываю надпись на камне: «Виссарион Григорьевич Белинский. Скончался 28 мая 1848 г.». Я тут же распорядился, чтобы могила была приведена в порядок. После этого, по моим стопам, уже многие пошли навещать могилу. Между прочим, тогда же посетил ее Н. Н. Ге, в то время еще ученик академии, и срисовал ее»⁴⁶.

Тогда же посетил могилу Белинского и Н. Г. Чернышевский. На страницах «Современника» во вступительной части «Заметок о журналах» за июль 1856 г. он рассказал о своем посещении некоего кладбища. Он бродил не в аристократической части, а «в краю кладбища пустом и безмолвном». Из состояния задумчивости его вывел «чей-то твердый и полный какой-то торжественности голос: „Вот могила NN, которой хотел ты поклониться“». Далее Чернышевский посвящает несколько проникновенных строк памяти того, кто лежит в этой могиле. «Вы угадываете, кто был он; просто, писатель, не более, как писатель, всю жизнь остававшийся ничтожным бедняком. Он только мыслил и писал, — более он ничего не делал, даже не сделал себе порядочной карьеры, даже не приобрел себе обеспечения в жизни, даже славы — так ему казалось — не приобрел своему имени <...> только небольшой кружок преданных ему людей благоговел перед его светлым умом, перед его благородным сердцем <...> Так, но тысячи людей сделались людьми благодаря ему. Целое поколение воспитано им <...> И когда я перечитываю нынешние журналы, я всегда вспоминаю о нем. Вот ученая статья <...> она писана под влиянием его мысли <...> вот повесть <...> — опять это только плод его учения <...>». В заключение Чернышевский вспоминал то время, в которое умер Белинский: «он умер во время страшной болезни, когда каждый трепетал за себя, когда никто не был уверен поутру, что доживет до вечера. В боязни за себя, они <его друзья> могли забыть о нем — о чужих ли могилах думать, когда самому надобно готовиться к ответу за свою жизнь?»⁴⁷.

Эту яркую характеристику политической реакции и жандармско-полицейского террора, поразивших «страшной болезнью» русское общество в последнее семилетие царствования Николая I, Чернышевский должен был дать иносказательно. Не мог он прямо назвать и имя Белинского, запрещенное в эти годы в печати⁴⁸.

«Мы и след потеряли к этой дорогой для нас могиле. И какие-то совсем посторонние люди, никогда в глаза не видавшие покойного, отыскивали ее недавно», — сообщал Панаев⁴⁹.

В конце 1864 г. рядом с могилкой Белинского был похоронен Добролюбов; таково было его предсмертное желание. В 1868 г. тут же был похоронен Писарев. Недавно еще безвестное Волково кладбище стало популярным: вокруг могил Белинского и Добролюбова стали хоронить писателей, и вскоре весь этот район кладбища получил название «литераторских мостков»⁵⁰.

ДОМ НА ФОНТАНКЕ В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ М. И. ФЕДОРОВУ.
ЗДЕСЬ В ОКТЯБРЕ 1846 — МАЕ 1847 гг. ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ
Фотография С. А. Рейсера, 1949 г.

В 1866 г. был установлен на могиле новый памятник из черного гранита — крест на пьедестале. В архиве Института русской литературы Академии Наук СССР сохранилась «Книга для записки добровольных пожертвований на сооружение В. Г. Белинскому надгробного памятника, предпринятого женою покойного, под распоряжением К. Т. Солдатенкова и В. И. Касаткина». На первых трех страницах 33 подписи: среди них Анненков (30 р.), К. И. Вульф (5 р.), Добролюбов (5 р.), Дудышкин (10 р.), Ефремов (10 р.); Кавелин (25 р.), Краевский (25 р.), Некрасов (50 р.), П. Пекарский (3 р.), Пыпин (3 р.), Тиблен (3 р.), Чернышевский (3 р.), Н. Ф. Щербина (3 р.) и др., всего с февраля 1857 по 5 июня 1858 г. было собрано 284 рубля. Аналогичный сбор производился, повидимому, и среди москвичей.

По свидетельству М. В. Белинской (письмо к Н. М. Щепкину от 17 марта 1862 г.), было собрано 600 рублей. Но возможно, что эти деньги были израсходованы на студенческие стипендии в память Белинского, а надгробный монумент сооружен на личные средства вдовы критика⁵¹.

Цитированный выше историк кладбища Н. Вишняков сообщает, что памятник этот «почти всегда бывает увешен венками почитателей покойного» (стр. 64). Это

свидетельство, относящееся к последней четверти XIX в., наглядно демонстрирует степень популярности Белинского. А в социалистическом городе Ленина советские люди бережно охраняют связанные с Белинским памятные места и в том числе дорожуют им могилу великого критика-революционера.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА БЕЛИНСКОГО

1839—1848 гг.

1. Около 24 октября — первая половина декабря 1839 г. У И. И. Панаева в доме Е. А. Диммерта на Грязной ул., № 63, на месте нынешнего № 706 по ул. Марата.
2. Первая половина декабря 1839 г. — ? Галерная улица (ныне Красная) в доме № 23, 25 или 29 нынешней нумерации. Более точных сведений нет.
3. ? — начало февраля 1840 г. В деревянном доме на Большом проспекте Петербургской стороны. Более точных сведений нет.
4. Начало февраля — 11 мая 1840 г. У П. Ф. Заикина, в доме П. А. Горбуновой на Моховой улице, № 14; на месте нынешнего № 11.
Последовательность адресов №№ 2—4 не может считаться твердо установленной. Возможно, что адрес № 3 предшествовал № 2. Адрес № 4 также не вполне ясен: возможно, что Белинский жил некоторое время у Заикина, не отказываясь от своей постоянной квартиры.
5. Конец августа—около 7 ноября 1840 г. Дом В. П. Алексеева, Васильевский остров, № 10/45 на углу Малого проспекта и 6-й линии, № 156/53 нынешней нумерации. Дом сохранился (надстроен).
6. Около 7 ноября 1840 г.—июнь (?) 1841 г. Дом Е. Л. Бем, Васильевский остров, 2-я линия, № 4, кв. 7, в отдельном флигеле, во дворе. На месте нынешнего № 3.
7. Июнь (?) 1841 г.—ноябрь 1842 г. Дом Бутаровой, Семеновский полк. Средний проспект между 1-й линией и Госпитальной ул., № 17 или 19, кв. 22. Ныне угол Бронницкой ул. и Клинского проспекта, № 18/22. Дом сохранился (надстроен).
8. Ноябрь 1842 г.—апрель 1846 г. Дом А. Ф. Лопатина, угол Невского проспекта и Фонтанки, № 71/41-43 старой и 68/40 нынешней нумерации. Сохранился (реконструирован). Белинский занимал одновременно кв. 55, 48, 47 и 43 тогдашней нумерации.
9. Октябрь 1846 г.—начало мая 1847 г. Дом М. И. Федорова, Фонтанка, № 14. Дом сохранился в перестроенном виде, теперь № 17.
10. Сентябрь 1847 г. Знаменская ул. Более точных сведений нет.
11. Октябрь 1847—26 мая 1848 г. Дом И. Ф. Галченкова. Лиговский канал (теперь Лиговка), № 73, на месте нынешнего № 44.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 92. Разрядка Краевского. Все даты по старому стилю.

² Краевский в 1837 и 1839 гг. упорно продолжал приглашать Белинского приехать в Петербург. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 95 и 97. Тем самым приходится подвергнуть сомнению слова, будто бы сказанные Краевским Панаеву: «Покорно Вас благодарю, я не имею никакого желания связываться с этим крикуном-мальчишкой». И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 205.

³ Впрочем, и в это время Белинский еще колебался. В письме от 25 февраля 1839 г. читаем: «я остаюсь в Москве» («Письма», I, 314).

⁴ И. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 374—375; А. Я. Панаева в. Воспоминания, изд. 1948, стр. 90. В феврале 1839 г. Панаев, в то время жених А. Я. Брянской, сообщал, что отец его невесты, Я. Г. Брянский, приглашает Белинского остановиться у него («В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 204).

⁵ «Русская старина», 1893, № 9, стр. 477—478; перепеч.: «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», 1948, ГИХЛ, стр. 118—119. 26 ноября 1839 г. Белинский подарил В. А. Панаеву свою книгу «Основания русской грамматики», изданную в 1837 г. Титульный лист этой книги с дарственной надписью воспроизведен в «Лит.

наследстве», т. 55, стр. 395. Об этом подарке см. в цит. воспоминаниях В. А. Панаева, стр. 478.

⁶ Позднее в Петербурге была произведена всеобщая перенумерация домов; четная и нечетная стороны при этом переменялись местами.

⁷ А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 91.

⁸ Ю. Ариольд. Воспоминания, вып. 2, М., 1892, стр. 176, 196, 202, 211 и 213.

⁹ П. В. Анненков. «Литературные воспоминания», Л., 1928, стр. 236. То же со ссылкой на «раннюю весну» у И. И. Панаева. Цит. соч., стр. 376.

¹⁰ А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, М., 1928, стр. 24—25.

¹¹ «Письма», II, 48; ср. впрочем «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 56, 58.

¹² Н. Цылов. Атлас тринадцати частей Петербурга, СПб., 1849, стр. 197; К. Нистрем. Адрес-календарь Санктпетербургских жителей, т. I, СПб., 1844, стр. 97.

¹³ Н. Цылов. Атлас, стр. 230 и 246; «Алфавитный указатель к атласу», СПб., 1849, стр. 6; Нистрем, т. I, стр. 97.

¹⁴ Такой же подробный адрес указан и в письме В. П. Боткина к Белинскому от 12 октября 1840 г. («В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 37).

¹⁵ 11 октября 1948 г., после опубликования в «Ленинградской правде» от 5 июня 1948 г. моей заметки на тему настоящей статьи, нынешний житель этого дома т. Корсаков высказал в беседе со мной предположение, что Белинский жил в квартире № 11. Вход был со двора, парадный ход, по его словам, более позднего происхождения.

¹⁶ Рукописный отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив В. Ф. Одоевского, папка 91, л. 85.

¹⁷ По другую сторону проспекта были расположены роты Измайловского полка.

¹⁸ К. Нистрем. Адрес-календарь..., т. I, стр. 188; Н. Цылов. Атлас..., стр. 130; Алфавитный указатель..., стр. 95.

¹⁹ Ср. Гос. ист. архив Лен. области, ф. 513, оп. 102, д. 4623.

²⁰ Точная дата постройки дома неизвестна. К 1824 г. дом занимал уже место по Невскому проспекту и был расположен под прямым углом к Литейному проспекту. Существенные достройки были произведены в 1834 и 1839 гг., когда были возведены корпуса нынешнего второго двора, поперечный корпус, разделивший двор на две части, и часть фасада по Фонтанке. При перестройке дома в 1873 г. сторона, выходящая на Фонтанку (а в этой части дома и жил Белинский), сколько-нибудь существенных изменений не претерпела. Не коснулись ее и разрушения, причиненные дому фашистской бомбой во время Великой Отечественной войны (Гос. ист. архив Лен. обл., ф. 513, оп. 102, д. 4316 — планы назв. дома за 1824—1913 гг.).

²¹ Н. Н. Тютчев. Мое знакомство с В. Г. Белинским. «Белинский. Письма», 1914, т. III, стр. 445. Перепеч. «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», 1948, стр. 335. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым; т. 2, СПб. 1896; сб. «Пушкинский Петербург», Л., 1946, стр. 379; сб. «Ленин в Петербурге», Л., 1939, стр. 52.

²² А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 96.

²³ Н. Н. Тютчев. Цит. соч., стр. 445.

²⁴ И. С. Турганев. Литературные и житейские воспоминания. — Соч., т. XI, Л., 1934, стр. 419.

²⁵ А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 112. Венчался Белинский в церкви Строительного училища на Обуховском проспекте близ 1-й роты Измайловского полка.

²⁶ П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 352.

²⁷ Определить сейчас местонахождение квартир, в которых жил Белинский, невозможно. В течение прошедших ста лет нумерация квартир дома изменялась, может быть, не один раз. Здесь же уместно указать, что улица Белинского в современном Ленинграде (б. Симеоновская) никаких исторических прав на это название не имеет.

²⁸ Н. Н. Тютчев. Цит. соч., стр. 450.

²⁹ И. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 510.

³⁰ По этим строкам можно судить о размерах библиотеки Белинского; в Орловском музее хранится лишь часть ее. Ср. Л. Ланский. Библиотека Белинского. — «Лит. наследство», т. 55, стр. 434.

³¹ Н. Н. Тютчев. Цит. соч., стр. 450.

И. К. Айвазовский вспоминает: «С Висс(арионом) Гр(игорьевичем) Белинским я встречался много раз в литературных кружках Петербурга и был у него по его приглашению один раз на Лиговской улице <...> Более чем скромная, почти граничащая с нуждой обстановка Белинского поразила меня не менее, чем заостренные черты лица его и впавшие щеки, озаренные чахоточными румянами...» — «Мир», 1912, кн. 1. Перепеч.: «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», стр. 451.

³² См. «Белинский в неизданной переписке современников» — «Лит. наследство», т. 56, стр. 170.

³³ А. В. Орлова. Из воспоминаний о семейной жизни Белинского. — Сб. «В пользу голодающих. Лепта Белинскому», М., 1892, стр. 16. Перепеч.: «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», стр. 399.

³⁴ А. Я. Панаева. Воспоминания, стр. 113.

- ³⁵ А. В. Орлова. Цит. соч., стр. 18.
- ³⁶ Н. Н. Тютчев. Цит. соч., стр. 449. Дачу в Парголово Тютчев называет дачей у Поклонной горы, что одно и то же.
- ³⁷ 26 мая 1900 г. на доме Галченкова Союзом русских писателей была установлена мемориальная доска: «В этом доме скончался 26-го мая 1848 года Виссарион Григорьевич Белинский (От союза русских писателей 26-го мая 1900 года)». Доска эта впоследствии, при сломке дома, затерялась. К 1900 г. дом уже подвергался переделкам и перестройкам. «Новое время», 1900, 27 мая, № 8709, стр. 3.
- ³⁸ А. Лаврецкий. Примечания к статье «Петербург и Москва» в изд. В. Г. Белинский. Избранные сочинения, т. II, М., 1936, стр. 719.
- ³⁹ А. В. Орлова. Цит. соч., стр. 23.
- ⁴⁰ Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 274.
- ⁴¹ Н. Вишняков. Историко-статистическое описание Волковского православного кладбища, СПб., 1885, стр. 51. Ср. «Е. А. Ладыйн». Православное Волковское кладбище, СПб., 1847, стр. 20 и 41.
- ⁴² И. И. Панаев. Литературные воспоминания, стр. 514.
- ⁴³ И. И. Панаев. «Современник», 1860, № 2, стр. 375.
- ⁴⁴ А. В. Орлова. Цит. соч., стр. 23.
- ⁴⁵ Более точное название стихотворения — «Памяти Белинского» — до сих пор не введено в основной текст. Так оно озаглавлено в тексте последнего прижизненного издания, издания «Русской библиотеки», несомненно авторизованного.
- ⁴⁶ «А. Ловягин». Из бесед с П. А. Ефремовым. — «Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты», новая серия, вып. 1, СПб., 1908, стр. 2. Эскиз Н. Н. Ге, сделанный масляными красками, датирован 15 августа 1856 г. Воспроизведение его см. в изд. «Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память Виссариона Григорьевича Белинского 8—12 апреля 1898 г.», М., 1898, стр. 5. Дата смерти Белинского указана Ефремовым неверно: Белинский скончался 26 мая. Эта дата и значилась на памятнике; см., например, «Иллюстрация», 1858, № 20, стр. 316; «Русский художественный листок» В. Ф. Тимма, 1862, № 29 (на стр. 126 указан путь к этой могиле). Ср. «Лит. наследство», т. 55, стр. 343 и наст. том, стр. 359; ср. Ю. Оксман. Из разысканий в области биографии Белинского. Дата смерти Белинского. Библиографическая справка. — «Ученые записки Саратов. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 318—320.
- ⁴⁷ «Современник», 1856, № 8, стр. 205—207.
- ⁴⁸ Только в издании 1905 г. М. Н. Чернышевский озаглавил этот отрывок. См. Н. Г. Чернышевский. Соч., т. 2, 1906, стр. 519; в изд. 1947 г., т. 3, стр. 676, заголовок снова отсутствует.
- ⁴⁹ «Современник», 1860, № 2, стр. 375.
- ⁵⁰ Завещал похоронить себя подле Белинского также и Тургенев. См. в настоящем томе сообщение Р. Заборовской, стр. 322.
- ⁵¹ Там же, стр. 322. Ср. также: А. В. Орлова. Цит. соч., стр. 23.